



Геннадий
Александровский

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ



Геннадий Александровский
Остаться человеком (сборник)

«ИТРК»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84-445

Александровский Г. Я.

Остаться человеком (сборник) / Г. Я. Александровский —
«ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-419-2

В сборнике рассказов представлены произведения, написанные в жанре фантастики. Тематика произведений обширна, но все они посвящены людям, которые умеют находить выход из самых сложных ситуаций и оставаться верными своим целям и идеалам. Космические приключения, невероятные события, происходящие на планете Земля, социальные потрясения, встречи с внеземным разумом и выход за пределы реальности – все это вы найдете на страницах книги «Остаться человеком». Издание придется по вкусу всем любителям хорошей фантастики, интересующимся тайнами бытия и проблемами нашей непростой действительности.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84-445

ISBN 978-5-88010-419-2

© Александровский Г. Я., 2017

© ИТРК, 2017

Содержание

Далеко от Земли	6
Гуманная защита	6
Последний с «Биофора»	11
1	11
2	11
3	11
4	12
5	13
6	14
7	14
8	15
9	16
10	17
11	17
12	18
13	19
14	19
15	20
На орбиту не вернулся	21
Страсти Земные	27
Я – самоубийца	27
Между улыбкой и звездами	33
Эпилог	46
Конкурс желудков	47
1	47
2	47
3	49
Экскурсбюро «Экстрим»	52
1	52
2	52
3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Геннадий Александровский

Остаться человеком (сборник)

© Александровский Г.Я., 2017

© Издательство ИТРК, 2017

* * *

Далеко от Земли

Гуманная защита

«Дежурство сдал... Дежурство принял...» Подписи. Дружеские пожелания. Традиционное хлопанье по плечу. Очередная смена космонавтов заступила на недельную вахту. Предыдущая смена вернулась в анабиотические боксы и заснула замороженным сном до следующей побудки через десять недель, если учесть, что на борту «Рекорда» двадцать космонавтов, а на дежурстве находятся всего двое: пилот и бортиженер. Дело у них нетрудное, хоть и напряженное: следить за правильностью полета к звезде Бертрана и за исправностью всех механизмов космолана.

Полет проходит в субсветовом режиме. Впрочем, скорость не ощущается. Звезды в иллюминаторе кажутся чуть размытыми, с синим оттенком по курсу и красноватым – позади. Эффект Доплера.

Итак, пилот Диркс и бортиженер Савельев приступили к изучению обстановки. Сначала приборы. Двигатель... Главный компьютер... Система ориентации... жизнеобеспечения... Анабиотические ванны... Все нормально.

Пора доложить на флагманский космолет «Сирена». Щелчок кнопки и на мониторе появилось изображение рубки флагманского корабля. Командир, капитан Щеглов, пристально разглядывал новый дежурный экипаж «Рекорда».

– Приняли? – спросил он густым басом и стал похож на строгого экзаменатора.

– Приняли, – ответил Диркс.

– Все проверили?

– По регламенту. Курс в норме. Все штатно.

– Желаю успеха! Следующий доклад через два часа, если ничего не случится.

– О-кэй, – сказал Диркс, выключая связь.

Потом повернулся к Савельеву и пожаловался:

– За три года никаких событий. Хоть бы пусячок. Никогда не думал, что полет к звездам – такое скучное дело.

Теперь можно расслабиться. Откинуться на высокие спинки кресел. Еще раз обежать успокоенным взглядом рубку управления. Все здесь знакомо до мелочей. Еще бы! Ведь за три года субсветового полета ими проведено здесь семнадцать недель. Только семнадцать? Или уже семнадцать? Все относительно, как и сам полет.

Диркс закрыл глаза. И вспомнил Нью-Йорк. И сразу образ города всплыл с пронзительной четкостью. Паутина Бруклинского моста. Какофония света на Бродвее. Гигантский обелиск Эмпайра. Аристократическая Парк-авеню с роскошными подъездами небоскребов. Остатки природы в центральном парке. Где теперь все это? И появится ли снова в его тридцатилетней одинокой жизни?

Савельев не стал предаваться ностальгическим воспоминаниям. Включил Информационный центр и стал просматривать данные о состоянии мезонного преобразователя, который вырабатывает для двигателя «горячее», выловленное из космоса.

Тихо. Тепло. Свежий воздух и даже легкий ветерок. Свисающие ветки бегонии в кашпо на стенах. Громада пульта с сотнями приборов, кнопок, клавиш и ламп.

Диркс прислушался. Еле различимый звук. Вот еще... и еще.

– Слышишь? – спросил у Савельева.

Тот оторвался от экрана.

– Что-то есть...

– Интересно: где?

– Сейчас узнаем. Включаю «Обзор».

На экране появилось контурное изображение космолана. Поворот верньера, и звуки, похожие на те, которые издают падающие в воду капли, стали громче.

– Что за черт! – ругнулся Диркс. – Как будто стучат молотком.

Савельев нащупывал источник звуков электронным искателем.

– Удары наносятся снаружи, – сказал он удивленно.

– Кто-то просится в гости, – фыркнул Диркс.

– И все же это так, – уверенно произнес бортмеханик, не отрываясь от экрана. Там, по контуру космолета, передвигалась мигающая световая точка. И вдруг она ярко вспыхнула и замигала по особому тревожно.

– Буммм, – послышался отчетливый удар. И в сердцах космонавтов что-то дрогнуло как бы в предчувствии неприятностей.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – промычал Савельев и тут же добавил – незванный гость хуже...

– Хуже чего? – не понял Диркс.

– Это космос стучится в нашу дверь.

– В дверь?

– Ну да. Просит пустить.

– Глупости. Космос пуст. Какие еще к черту гости!

– А метеориты?

– В такой дали от звезд? – удивился Диркс.

– А вот смотри.

Савельев переключил картинку. Теперь это был сверкающий бок «Рекорда». И у самой поверхности – почти прозрачный кристалл. Вот он приблизился к корпусу, легонько коснулся его и плавно отлетел в сторону. Звук, усиленный во много раз, грохнул в ушах, как гром.

Кристалл должен был по всем правилам механики, оттолкнувшись от борта корабля, удалиться с соответствующей скоростью в бездну вечной ночи. Но он не удалился. Наоборот. Опять не спеша приблизился к корпусу и стукнулся в него.

– Бог играет с нами в теннис, – проворчал Диркс. – Что это за феномен?

– Гостей надо встречать, – изрек Савельев. – Пойду одену скафандр.

– Хочешь выйти?

– Конечно. И приглашу к нашему столу. Пока он не ворвался сам. Стучит-то он прямо во входную дверь. А дырявая дверь, как я полагаю, не входит в наши расчеты.

– Хочешь внести его внутрь?

– Почему бы и нет? Гость-то весьма парадоксальный.

– Черт его знает, – помрачнел пилот. – Как бы чего не вышло. Может быть, это такая дрянь, что не дай бог.

– А если – артефакт?

Но Диркс продолжал осторожничать.

– Доложить Щеглову?

– Узнаем, что это такое, и тогда доложим. Кто не рискует, тот не выигрывает. Я быстро.

И с этими словами он удалился в «Гардероб». Диркс видел на экране, как открылся люк и Савельев в легком разведывательном скафандре высунулся в пространство и схватил «гостя» одной рукой. Это «что-то» было совсем небольшим. Не больше куриного яйца.

На душе пилота стало еще тревожнее. Он внутренне подобрался, словно ожидал нападения хищника.

Мелодично пропела силовая защита, и в рубку зашел бортинженер в скафандре. Протянул руку. На ладони лежал голубовато-прозрачный кристалл, похожий на бирюзу.

– На вид ничего, – признался Диркс. – Никогда не видел такого метеорита.

– Каков экземпляр! – восхищенно воскликнул Савельев.

– Его надо обследовать. Пусть полежит на пульте, а я сейчас разденусь. Только без меня не начинай. Я сам.

– Давай, – согласился Диркс. Он наклонился над кристаллом и стал пристально разглядывать блестящие грани и прозрачную сердцевину. Ничего подозрительного он не обнаружил. Только над поверхностью кристалла вдруг вспыхнули редкие звездочки, как у бенгальских огней. Их все больше и больше. Вот они покрыли весь кристалл, словно защитным полем. А потом сверкающее облачко поднялось над пультом и стало разрастаться в объеме.

Диркс испуганно отшатнулся и уперся в спинку кресла. Облачко из миллионов блесков повисло над его головой...

Савельев торопился в «Гардероб». Прошел мимо анабиозного блока, мимо жилого отсека. А вот и «Гардероб» с запасом скафандров для всей команды. Тут он остановился. Дальше располагался внутренний сад, затем – склады, отсек приборов жизнеобеспечения, отделение с разведывательными ракетами. А в самой корме – мезонные преобразователи и двигатели.

Савельев было собрался снять прозрачный шлем, как вдруг что-то отбросило его в сторону. Он не удержался и больно ударился плечом о переборку, отделяющую коридор от «Гардероба». В ушах появился тонкий писк заработавшего двигателя.

– Поворот? – крайне изумился Савельев. – Какого дьявола! Что он там, с ума сошел?

Савельев знал, что инерционный полет должен длиться еще не менее двух лет. Никакие включения двигателей за это время не предусматривались. А тем более – изменение курса. Полет рассчитан заранее, и автоматы ведут его с умопомрачительной точностью. Что же случилось?

Гонимый дурными предчувствиями, Савельев, так и не успев снять скафандр, ринулся обратно в рубку. Влетел и остановился в крайнем недоумении. Диркс завалился на пульт и спал. Одна рука на панели, другая свисала к полу. Пульт жил своей жизнью, шевеля стрелками и мигая индикаторами.

Бортинженер потрепал пилота по плечу. Потом шлепнул по щеке. Тот оставался недвижим. Грудь поднималась ритмично. Значит жив. В обмороке? Спит? Препарат под нос. Нет, не помогает. Похоже на гипнотический сон.

– Господи, да что же это с тобой? – воскликнул Савельев.

На миг его взгляд коснулся пульта управления. Кристалла на прежнем месте не было. Впрочем, это мелочь. Важнее было состояние пилота. Савельев опять принялся тормошить его, но безрезультатно.

И тут он испугался. Стало трудно дышать. Он стал свинчивать шлем и увидел, как над головой появилось сверкающее облачко, похожее на комариный рой.

Савельев отмахнулся от него, но рука прошла насквозь, не разметав его. Почему-то захотелось спать. Он зевнул. Облачко наседало.

– Еще внутрь попадет, – решил Савельев и снова зафиксировал шлем. Сонливость отступила. Мысли опять стали ясными и четкими. Он повернулся к пульту. Приборы бесстрастно фиксировали поворот корабля на шесть градусов вправо. Мезонный двигатель работал. Но кто включил его? Зачем? Что кроется за всем этим? Диркс? Не сошел же он с ума! Зачем ему нужно включать двигатель, да еще и менять курс? Чушь собачья! Но получается так, что кроме него это сделать некому. Значит, все-таки он? Включил, а сам отключился? Абракадабра какая-то.

Савельев проверил навигаторские данные. Да, получается так, что главный компьютер сам сделал перерасчет трассы и включил двигатель. И теперь «Рекорд» совершает гигантскую дугу, чтобы через... такое-то время лечь на противоположный курс... к Земле.

Савельев беспомощно огляделся. Да нет, в рубке все то же. Диркс дрыхнет, правда, в неестественной позе. Никого здесь нет. А кто мог быть? И сон ли у пилота? Похоже на коматозное состояние. Но почему? Потрясение? От чего? Да и прошло всего несколько минут, пока он дошел до «Гардероба». И все-таки что-то произошло. А главное – полет! Нужно немедленно исправить курс. Так... Электронный навигатор... Задание... Ввод... Быстрее! Не надо нервничать... И не спешите – ведь ошибетесь. Ах, если бы он был классным программистом! Нечего теперь жалеть – надо было в космическом институте об этом думать. Итак... что же получается? Поворот... Цель «А»...

Азимут... Есть совпадение! Все – теперь перевод на авторежим... Двигатель выключен. Тишина...

Савельев хотел стереть пот со лба, но перчатка наткнулась на прозрачный шлем, который он так и не успел снять. Он опять начал свинчивать его. Фукнул воздух, выходя наружу. И пять над ним появилось мерцающее облачко.

– Фу, ты, черт! – возмутился Савельев. – Так и норовит попасть внутрь. Что я – медом намазан? Впрочем, погоди. А вообще, откуда оно взялось, это облачко? Что это такое?

Преодолевая нехотят возникшую сонливость, он замахал руками, но облачко не рассеивалось. Оно облепило шлем, и бортинженер решил:

– Ладно, успею. – И с этими словами он уселся в кресло, зевнул и закрыл глаза. В ушах запела тихая-тихая колыбельная песенка. Вспомнилось детство, родная деревня, речка под крутым обрывом. Милая, далекая Родина! Тоска вонзилась в сердце, и Савельеву захотелось заплакать. Но вмешалось сознание: «Самое время предаваться ностальгии. Пилот в отрубле, в корабле творится черт знает что, а ты баиньки приготовился... Слабак несчастный! Ты на вахте!»

Он вышел из оцепенения, открыл глаза и увидел... Вернее, ничего не увидел, потому что облачко облепило шлем вплотную и перед глазами мелькали только мириады металлических снежинок.

Савельев тряхнул головой, сосредоточился и первым делом снова зафиксировал шлем. Сонливости как не бывало. Вывод напрашивался сам собой. Причиной возникновения сонного состояния является это невесть откуда взявшееся облачко. Проверим. Снова сдвиг шлема влево по резьбе и вот уже зевота насильно раздвигает челюсти. Щелк – шлем встал на место. Никакой зевоты. Подождем немного. Туман рассеивается. Облачко тает. Значит, ему нужна открытая голова? Значит, это оно усыпило Диркса (он же не защищен шлемом) и в гипнотическом состоянии заставило изменить курс. Но тогда получается несусветное... Получается, что облачко должно знать о цели полета, противиться ему и чужими руками повернуть космоплан обратно. То есть, оно должно быть разумным.

– Фантазия! – воскликнул Савельев. – Бред! Разумное облако!

Взгляд его остановился на горизонтальной площадке пульта управления, куда он недавно положил космический кристалл. Его там не было и сейчас. И нигде не было. Ни на полу, ни по углам – нигде. Он исчез. Сгорел. Испарился. Стоп! Испарился... Догадка заставила его вскочить на ноги и забегать по рубке.

– Испарился, – забормотал он. – Испарился! Но почему? Другая среда? Температура? Наличие биологического существа?

Савельев испугался собственного вывода. Он вздрогнул и посмотрел на Диркса. И, не рассуждая более, схватил его под мышки и поволок к выходу. Пересек защитный экран и оглянулся. Облачка почти не было видно. Но все же он заметил, как серебристый туман бился о невидимую преграду, преодолеть которую оно не могло. Это было еще одно открытие.

Савельев перетащил Диркса в его каюту и положил на диван. Потом побежал в «Гардероб», достал скафандр, вернулся и стал одевать пилота. Пришлось повозиться. Зато теперь на диване возлежал космонавт, изолированный от любых внешних воздействий.

Затем, не рассуждая, будто нужное решение пришло в голову интуитивно, Савельев проник в рубку, отключил подачу регенерированного воздуха и приоткрыл выходной шлюз. Воздух из корабля со свистом вырвался на свободу. Теперь внутри был такой же вакуум, как и в космосе. И такая же температура. Иней покрыл стены рубки, пол, приборы.

И вот он увидел, как облачко сгустилось и на его глазах превратилось в голубоватый кристалл. Он лежал на полу, мирно поблескивая прозрачными гранями. Савельев поднял его, полюбовался радужными переливами внутри кристалла и понес в машинный отсек. Там он поместил кристалл в холодильник, позволяющий создать внутри себя условия, близкие к космическим. Савельев колебался. Если облачко разумно – то имеет ли он право изымать его из родной стихии? А если это своеобразное кибернетическое устройство, запрограммированное определенным образом?

Савельев действовал автоматически. Закрыл шлюз, восстановил привычную среду и скорее к Дирксу.

Тот сидел на диване и ощупывал себя. Увидел Савельева, закричал раздраженно:

– Может быть, ты скажешь, что все это значит, черт меня подери? Это ты нарядил меня? И почему я в каюте? Со мной что-нибудь произошло?

Савельев легко вздохнул и улыбнулся:

– Могло случиться. Если не считать изменение курса. Помнишь кристалл?

– Где он? И причем тут он? Он что – ударил меня по голове?

– Слушай, – сказал Савельев. – Этот кристалл, попадая в рубку космического корабля, летящего в сторону его родной звезды, усыпляет экипаж и заставляет поворачивать обратно. Гуманная, так сказать, защита. Как себя чувствуешь?

– Нормально, черт меня подери. Скину скафандр и вернусь в рубку. А связь-то... Давно пора.

Они повесили свои скафандры в «Гардеробе» и поспешили в рубку.

Экран связи вспыхнул, показывая интерьер «Сирены». В креслах – безжизненные тела обоих космонавтов. Спят? Почти неслышно свистят мезонные двигатели. Стрелка курсометра заметно отклонилась от цели.

Савельев выругался и увеличил изображение. Над головами спящих космонавтов колыхалась прозрачная сверкающая дымка.

Савельев резко поднялся. Сплюнул. Сказал:

– Я пошел. Там... То же... Я долечу на модуле. Как войти в шлюз – сумею. Держи связь...

Махнул рукой и пошел к выходу. И уже выходя, обернулся:

– Если будут стучаться – не открывай. – Я там все улажу, и мы повернем назад. Нельзя ломиться в закрытые ворота...

Последний с «Биофора»

1

«Биофор»! Срочное сообщение! Атомная война! Исламисты овладели атомным оружием и применили его против христианского мира! Началась третья мировая война! Земля в огне! Цивилизация гибнет! Связь временно...

2

Риверс не спешил выключать связь, ожидая дополнительных сообщений с Земли. Лицо диспетчера космической связи сменилось вихревыми помехами. В рубке управления сразу наступила гнетущая тишина. Произошло невозможное. То, о вероятности чего в последние месяцы говорили все средства массовой информации, все-таки случилось. В это трудно было поверить. Но факт есть факт. История вступила в новый этап, драматический и страшный. Исламисты приступили к реализации своего видения мира.

Сухощавое, обычно невозмутимое лицо командора Генриха Риверса вдруг сморщилось в зловещей усмешке. В его туманных глазах на мгновение мелькнули лихорадочные блики. Длинными костлявыми пальцами он попытался оживить экран связи. Но кроме активных помех никакой картинки не возникало. Зато на большом экране внешнего обзора четко проглядывался громадный шар с размытыми краями. Диск Земли блестел голубыми океанами. Вырисовывались контуры материков, во многих местах прикрытые серыми облаками. И в них сверкали временами огненно-красные точки. Это были ядерные взрывы. Облака вокруг них становились черными. Без глобусных параллелей и меридианов Земля казалась лишенной чего-то очень важного. Но теперь это была другая, враждебная Земля, не соответствующая названию космического корабля – «Биофор», что означает «Носитель жизни».

Риверс отодвинулся от большого экрана, бросил быстрый взгляд на потухший экран связи и на минуту закрыл глаза. Он понял, что возвращаться на Землю проблематично. Пока не определится ситуация.

3

За пределами гамма-участка электромагнитного поля открыто еще более жесткое излучение с неожиданными антигравитационными свойствами – дельта-излучение. Оно возникает при разрушении элементарных частиц в компактных дезинтеграторах. Потoki частиц пронзают космос. Их захватывают «приемники», разрушают и высвобождают кварки, которые тут же трансформируются в антигравитационные дельта-излучения. Этот принцип используется в двигателях космических кораблей. И не только. Специальные «пушки» выстреливают дельта-лучами, способными отталкивать и сбивать с траектории приближающиеся к Земле довольно массивные астероиды и кометы. Именно для этой цели был предназначен «Биофор». Его орбита отстояла от Земли на несколько тысяч километров. Он вращался вокруг Земли и отслеживал ближний и дальний космос, и на его счету было уже несколько столкновений с трасс мелких и средних метеоритов.

4

Их было четверо на «Биофоре»: командор Генрих Риверс, стрелок Керн Норрис, бортиженер и второй пилот Джон Дакс и Анта Эсск – космобиолог, самая молодая из всей команды. Они молча глядели на командора с затаенной надеждой, что он все объяснит и найдет выход из создавшейся ситуации на Земле. Риверс тоже долго вглядывался в их лица, пытаясь понять, как они восприняли сообщение с Земли. Потом он заговорил прерывающимся от волнения тихим и невыразительным голосом:

– Вы все слышали. Там начался апокалипсис. Радикальный ислам вступил в открытую борьбу с христианским миром. Восток пошел на запад. Рано или поздно это должно было начаться. Мы с вами – последний оплот жизни. На Земле ее скоро не будет. Перед нами только один вопрос: что делать? Вот мои соображения, если вы пожелаете их выслушать. Первое: ударим по террористам с орбиты антигравом и тем самым, возможно, поможем нашим. Второе: возвращаемся на Землю и вступаем в ряды борцов с мировым терроризмом. Если удастся приземлиться. И третье: порвать с Землей, образовать микроскопический осколок земной цивилизации. Найти подходящую планету и создать на ней новое общество. Мы знаем: в созвездии Лебедя есть экзопланета, похожая на Землю. Иного нам не дано. У нас есть все необходимое. «Биофор» может поддерживать жизнь практически бесконечно. Нанотехнология позволяет комбинировать любые атомы и частицы и создавать из них любые нужные нам вещи, продукты и воздух. Впрочем, вы все это знаете не хуже меня. Я слушаю вас.

Первым нарушил молчание самый пожилой член команды, скептик и брюзга, специалист по гравитационным системам Керн Норрис:

– Кому будут нужны наши знания вне Земли?

Риверс нахмурился. Вопрос был острым и актуальным. Ответил:

– Мы найдем планету с разумными существами. Окажем им необходимое содействие в развитии.

Норрис затрясся в булькающем смехе:

– А если они разумнее нас? Да и пока мы найдем их, от нас ничего не останется. Допустим, мы не импотенты. Но тогда нам нужны женщины. Нас трое, а... – Он не закончил фразу и взглянул на Анту.

Анта поняла смысл слов Норриса и вспыхнула:

– Никогда! Я хочу на Землю. Я хочу служить людям. Но быть вечным пленником неба!.. Стать механизмом по производству детей... Земля – моя родина. Пусть варварство. Но я могу лечить, и значит, нужна всем. Я не политик. Мой долг – лечить, а не плодить никому не нужное потомство. Вы... Вы все сумасшедшие!..

Она захлебнулась в потоке слов и закрыла глаза, тяжело дыша. Красивое, большеглазое лицо Анты выразило отчаяние и страх. Риверс сжал кулаки. Несогласие Анты подрывало его планы. Нужно только единодушие. Но он продолжал убеждать команду:

– Возвращение невозможно. Нас некому принять. Скоро на Земле не останется ни одного человека. Ни одного живого существа. Наступит ядерная зима. Радиационная пустыня. Наш разум может оказаться на другой планете.

Норрис продолжал возражать:

– Четыре разумных существа во всей Вселенной – это, знаете ли, хуже, чем Адам и Ева. Да и найдем ли мы такую планету? Марс мертв. И все планеты Солнечной системы непригодны для жизни. До ближайшей экзопланеты двадцать лет полета со световой скоростью. Мы не доживем... Эрго...

Риверс перебил его:

– Доживут наши дети. А что вы предлагаете взамен?

Норис пожал плечами и замолчал. Развел руками. Риверс обратился к Даксу. Поняв, что пришла его очередь высказать свое мнение, он криво усмехнулся, подмигнув кому-то черным глазом и сказал, цинично усмехаясь:

– Мне наплевать на человечество. Я существую сам по себе. Жизнь на Земле рано или поздно возобновится, но уже без человека. Его место займут какие-нибудь каракатицы. Кто такой человек вообще? Ничтожный микроб, возмнивший себя всемогущим носителем неограниченных знаний. Новый вид, занявший наше место, будет лишен наших пороков.

Вдруг сквозь помехи прорвался радиоголос с Земли. На миг на экране связи появилось искаженное ужасом лицо диспетчера:

– «Биофор», у нас – сущий ад! Азия и Африка захвачена ими... Все гибнет! Конец всему! Все зависит от вас. У вас есть мощное средство. Ударьте по агрессору. Сметите его с поверхности Земли. Спасите...

Риверс подхватил его мысль:

– В наших силах убрать с Земли исламистскую плесень еще до окончания атомного армагеддона. Если уже не поздно. Это самое рациональное решение на сей момент. Объявляю боевую тревогу!

Норис проворчал что-то неопределенное. Было непонятно: он за или против приказа командора. Дакс нервно рассмеялся:

– Превратимся в убийц. Браво!

Анта запротестовала, вскочила и ушла в свой отсек.

5

Земля на большом экране похожа на больное тело, покрытое гнойниками атомных взрывов и радиоактивных облаков. Потом Земля ушла в сторону, и нестерпимо яркие иголки звезд занозят глаза. Абсолютно черное пространство кажется нереальным. Риверс сидел молча и думал. Одно дело сказать, а другое – пустить в ход оружие массового уничтожения. Конечно, он выполнит свой долг. А потом направит корабль в далекое и неведомое плавание. Станет ли «Биофор» единственным носителем жизни во Вселенной, мечущимся в бесконечных просторах в поисках пристанища? Может пройти тысячи лет, прежде чем, скорее всего, пустая скорлупка корабля ткнется в какой-нибудь необитаемый мир. Ясно же, что вариант с потомками неосуществим. Анта не годится на роль новой Евы. А кто мог бы стать Адамом? Или их будет трое? Похоже, что этот вариант нереален. Остается единственное: борьба за право проживания на Земле. Но как убедить команду в необходимости такого шага? Какими словами? Какими доводами? Норис явно против. Но у него нет своего видения будущего. Анта – тоже. Даксу, видимо, все без разницы. Значит – двое против двух. Вот и пришла пора приступить к акту возмездия, хотя Риверс все еще полон противоречий. Имеет ли он право даже в таких экстремальных условиях применять антигравитационное оружие мести? А сейчас, как никогда, нужны твердость духа и решительность. Риверс уставился на звездное небо, дожидаясь возвращения на экране родной планеты. Но вот она показалась во весь рост и именно нужным полушарием. Скомандовал:

– Норис, давай. Целься на Ближний Восток. Прочерти линию от Марокко до Пакистана и выброси всю эту нечисть к чертовой матери!

Норис очнулся от оцепенения. Он вдруг отчетливо понял, что от этого мгновения зависит все его будущее, смысл его жизни, его убеждения и совесть. Да, это его враги. Но излучение сметет с поверхности Земли не только врагов, но и тысячи мирных людей. Он понял, что не сможет выполнить приказ командора. Дакс захихикал и сказал:

– Смелее, Керн! Дай им прикурить! Людьюми руководит жажда власти и богатства, а не стремление к социальной справедливости. Пусть лучше во Вселенной не останется ни одного

человека. Все равно, все они вымрут, как динозавры. Сократить их агонию. Мы – единственные врачи человечества должны провести эту хирургическую операцию.

Норис возбуждился, вскочил и схватил Риверса за руку.

– Бросьте изображать ангела смерти! Это бесчеловечно! Я тоже не против ухлопать ради идеи миллион – другой. И больному ставят пиявки. Но уничтожать всех... Я не позволю!

– Успокойтесь! – зло огрызнулся Риверс, теряя самообладание. И звездные искры отразились в его туманных глазах. – Я сам справлюсь со всем этим.

– Нет! – истерично крикнул Норис.

– Отцепись! – крикнул Риверс. – Или я убью тебя!

И он полез в карман за оружием. Норис отшатнулся. Отчаяние охватило его. Он поднял кулаки и пошел на командора, чтобы оторвать от пульта управления. Выстрел заставил его замолчать. Норис упал, вытянув руки вперед. Дакс был ошарашен. Он никак не ожидал таких событий. Риверс приказал ему, указав на безжизненное тело:

– Выброси наружу.

Дакс потащил грузное тело Нориса к выходному шлюзу. Корабль слегка качнулся. Часть воздуха вылетела в космос вместе с трупом. Но хлопка не было слышно в мире безмолвия.

6

Анта пришла в себя не скоро. Огляделась, не понимая где находится. Ей показалось, что она у себя дома на Земле. И вдруг до нее дошло, что она в своем отсеке. Увидела кожаную обшивку сферических стен, прикрепленный к полу столик и раздвижное кресло. И все вспомнила. Увидела себя в маленьком зеркальце и ужаснулась. На нее глянуло искаженное стрессом страшное лицо. Вскочила. Бросилась к отсеку, где базировались одноместные капсулы. Остановилась. В смятении заломила руки. Прошептала:

– Домой. Домой...

Достала из встроенного шкафчика скафандр. Одеда, еле справляясь дрожащими пальцами застегивать герметичные швы. Дальше она действовала, как во сне. Вышла в коридор и направилась к шлюзовому отсеку. Ярко горели плафоны. Синтетический ковер пружинил шаги и скрадывал звуки. Анна не торопилась. Будто давным-давно она приняла нужное решение и теперь выключила мыслительный аппарат, оставив только цель. Она совсем не думала, что до Земли тысячи километров и что приземление не однозначно будет удачным. Анта вошла в отсек, села в капсулу, закрыла за собой дверцу и нажала кнопку старта. Капсула выплыла наружу в густую россыпь звезд и полусвещенный бок Земли. Она поняла, что теперь она вырвалась на свободу и не станет инкубатором нежеланных существ. Если она и погибнет при посадке или позже, это лучше, чем оставаться вечной пленницей «Биофора».

7

Дакс увидел на большом экране светлую точку, удаляющуюся от корабля. Поморгал длинными ресницами и сразу все понял. Крикнул Риверсу:

– Это она!

И бросился в ее жилой отсек. Он был пуст. Отсек Нориса – тоже. Вернулся в рубку управления.

– Что еще? – нервно спросил Риверс.

– Анта... – задыхаясь от бега или от переполнивших его чувств, доложил Дакс. – Она там, – он махнул рукой в сторону экрана.

– Что?

– Удрала на Землю. Светлая ей память.

– А, черт! – выругался Риверс, и стал лихорадочно вертеть верньеры настройки антигравитатора.

На обзорном экране замигали электронные импульсы. Беглянка поймана. Теперь нажать на кнопку и...

Дакс вышел. Его мутило от всего увиденного, хотя он сам никогда не считал себя мягкотелым. Анта нравилась ему, и в глубине души он надеялся, что ей удастся добраться до Земли и попасть к своим. Можно было бы сейчас воспротивиться ее уничтожению Риверсом. Но в его голове от всех этих переживаний образовался тяжелый туман. Сознание замутилось.

Время шло, а Риверс все не решался запустить антиграв. Пальцы заметно дрожали. Одно дело – заявить, а другое – уничтожить.

– Не корабль, а сумасшедший дом, – мрачно проговорил Риверс. – Что будем делать? Нас только двое. Ты думаешь: ей в самом деле надоело жить?

– Она хотела вернуться, – уклончиво ответил Дакс.

– У нас нет женщин.

– Значит, ваша затея рухнула. Остается выполнить просьбу диспетчера.

Риверс сопнул и тяжело повернулся в своем кресле. Раздражение прорвалось в кончики пальцев. Риверс сжал кулаки и с силой ударил по панели управления. Дакс вздрогнул и недоуменно покосился на командора. Прошипел со злом:

– Наверное, конец света уже наступил. Видите: половина глобуса в серых облаках. По моему, истины нет. Ее выдумали, чтобы подхлестывать воображение ученых и успокаиваться мнимыми знаниями. Все относительно и неопределенно. Полный индетерминизм. Материя создала человека, но она же заменит его новой формой разума. Где-нибудь в космосе.

– Чем раньше, тем лучше, – процедил сквозь зубы Риверс.

Настроил экран выбора цели. Земля, наконец, повернулась нужным боком. Колоссальным усилием воли Риверс заставил себя нажать на кнопку пуска антигравита. Сгоряча он дал излучению максимальную мощность. Он не должен был этого делать. Целью был не астероид, а вся Земля. Острый луч дельта-излучения воткнулся в азиатский материк в районе Афганистана, чиркнул по Ближнему Востоку и ушел в Африку, соединив мятежную планету со своим космическим судьей.

Риверс скалил зубы в дьявольской усмешке. Сейчас антигравитационная метла начнет выметать с Земли все дикое, хищное, бесчеловечное. История закончится. Он – вершитель людских судеб! Он взял на себя роль бога, но не демиурга, а губителя. Так, кто же он на самом деле? Человек или... антихрист? Человек или...

Страшная сила сначала вдавила Риверса к спинке кресла, а затем стащила на пол. Та же сила вытряхнула из кресла и Дакса. Потом их долго бросало из стороны в сторону пока они, наконец, обессиленные, не потеряли сознание от боли, ужаса и неизвестности.

8

Случилось то, что должно было случиться при максимальной мощности антигравитационного излучения, направленного на Землю. Возник эффект отдачи, в результате чего «Биофор» был выброшен со своей орбиты. Если бы Риверс был в сознании, он отрегулировал бы направление и скорость полета маршевыми двигателями, как это делалось при работе с астероидами. А сейчас корабль, подталкиваемый антигравитационной отдачей, с возрастающей скоростью удалялся вверх от эклиптики в сторону созвездия Большой Медведицы. А когда Земля сначала закрыла Солнце, а потом стала постепенно открывать его, антигравитационной луч перешел на поверхность Солнца. Скорость полета «Биофора» резко возросла.

Когда они пришли в себя, их еще слегка мотало по полу, но уже можно было подняться и зафиксироваться в креслах. Риверс первым делом обратил внимание на положение «Биофора»

в пространстве. На экране обзора были отчетливо видны уменьшившиеся в размерах Солнце и Земля. «Биофор» удалился от них на десятки тысяч километров. Риверс не сразу сообразил, что произошло. Но когда до него дошла новая ситуация, он схватился руками за голову и закричал:

– Будьте вы все прокляты со своими войнами!

Он почувствовал себя опустошенным. Он не думал: удалось ли ему выполнить возложенную на него Землей ответственную миссию. Почему он поспешил пустить в ход оружие, не рассчитав приемлемую мощность? Кто гнал его? Надо ли вернуть корабль на прежнюю орбиту? Или пусть он несется в космические дебри, как остаток бывшей цивилизации?

Дакс бессмысленно улыбался и бормотал:

– Будущее мрачно. Настоящее – бесцельно. Прошлое стерто резинкой времени. Материя – просто бред.

Бормотание Дакса вывело Риверса из себя.

– Заткнись что ли! И без тебя тошно.

Их взгляды на секунду сошлись. В одном – ужас от правильной догадки. В другом – бессмысленная пустота. Холодея от дурного предчувствия, Риверс вскрикнул. Дакс засмеялся, выпячивая челюсть и сверкая черными зрачками. Потом он встал и ушел. Риверс слышал, как затихали звуки его шагов. Ему стало беспощадно ясно, что он остался один. Один во всей Вселенной! Такое одиночество никому не известно. О нем не написано в священных книгах или в научных трудах. Один на один со звездами! Но они разговаривают молча своим светлым языком.

9

Риверс выскочил из рубки и разъяренным зверем влетел в отсек Дакса. Тот сидел на полу и таращил глаза на стену, будто видел на ней ответы на свои безумные вопросы. Увидел Риверса и зашипел. Брызгаясь слюной:

– Кровь... Всюду кровь! Звезды – капли крови! Млечный Путь – целая лужа крови! Вершина развития материи – смерть.

В его руке появился электронный пистолет. Риверс бросился к нему, чтобы отнять оружие. Но не успел. Раздался щелчок, и Дакс с оплавленной дыркой во лбу упал, разбросав руки. В иллюминаторе показалось Солнце, окрасив отсек в кроваво-красные тона.

– И ты!.. – дико закричал Риверс. – Подлец! Оставил меня одного! Как ты мог? Сволочь!

Потом резко развернулся и ушел в рубку управления. Уселся в кресло. Задумался. Антигравитатор не стал выключать, как будто надеялся, что он сам прекратит излучение. Или просто забыл о нем. А излучение опять попало на Солнце, и оно больно ударило по глазам, ослепив на мгновение. Риверс застонал и на ощупь, не глядя, хотел нажать кнопку отключения антигравитатора. Но не успел. Застонал и потерял сознание.

Солнце сошло с экрана, и снова в рубке – матовый свет от плафонов, а на экране – ночь с застывшими брызгами звезд. Он очнулся, но тут же уснул, и закрытые веки устали на экран, по которому медленно проползали ленивые созвездья. Изредка разливалось оранжевым огнем удаляющееся Солнце. Антигравитатор продолжал излучать узкий поток теперь почти беспомощного и ненужного излучения. «Биофор» менял направление полета, и астронавигатор непрерывно рассчитывал все новые и новые трассы для возвращения на Землю. Но двигатель не работал, и «Биофор» постепенно удалялся от Солнечной системы.

10

Время шло с неизвестной скоростью. Частые смены траектории полета сменились одним вектором. Скорость, наверное, приближалась к скорости света. В обзорном экране творилось нечто феерическое. Позади корабля – яркое звездное нагромождение голубого цвета. Впереди – редкие краевые красноватые звезды, за которыми отчетливо пробивался сплошной мрак. Корабль явно поднимался над галактикой. Искусственная тяжесть внутри корабля ослабла.

Риверс метался по кораблю, заглядывая во все отсеки. Увидел труп Дакса и поволок его к выходному шлюзу. С трудом выбросил его в космос. Так он остался абсолютно один. Во всем мире один! Когда до него это дошло по-настоящему, он зарычал и долго сидел с закрытыми глазами, углубляясь в свои переживания. Мысль о том, что можно вернуться на Землю, не возникала в его сознании. Да и зачем нужно возвращаться на мертвую Землю. Где-то в подсознании повисла мысль: он не должен лишиться разума. Он должен сохранить реальное восприятие окружающей действительности. Он должен что-то предпринять, найти какой-то выход из ситуации. Но какой выход? Что в его силах? Для чего? И решение не приходило.

Страшное оцепенение овладело Риверсом, превратив его в апатичное существо, автоматически выполняющее физиологические функции выживания и сохранения своего «я». Он стал полуживотным. Звезды казались ему глазами хищников, и он прятался от них в своем жилом отсеке. Он перестал контролировать приборы и смотреть на большой экран. Он почти перестал осознавать себя человеком и забыл свое прошлое. Он опустил плечи и внешне. Оброс курчавой и седой, несмотря на свой сорокалетний возраст, бородой. Нечесанные поседевшие космы свисали до плеч. Одежда превращалась в лохмотья. Микроклиматические установки автоматически создавали воздух, производили продукты питания и утилизировали отходы. Так можно было существовать десятилетия до износа всех систем жизнеобеспечения.

Так прошло много времени, но Риверс не считывал показания часов и земных календарных дней. Они ничего не значили для него. Может, прошел год... два... Что такое время для Вселенной? Несколько раз «Биофор» влетал в газопылевые облака, и тогда приборы защиты тревожно завывали в красном свете аварийных датчиков. Риверс забивался в отсек Анты, расположенный дальше от рубки управления. Он не думал о смерти. Тупое безразличие к своей судьбе стерло из его сознания понятие «жизнь».

11

Однажды Риверс очутился в рубке и случайно взглянул на обзорный экран. Космос выглядел миролюбиво. Он хотел что-то сказать и понял, что почти разучился говорить. Пошевелил распухшими губами и извлек несколько звуков: звезды... космос...

И вдруг он вспомнил ВСЕ. Словно молния сверкнула в сознании и памяти. Когда же он перестал быть сапиенсом? Сколько времени прошло? Дней, месяцев, лет? Он встряхнул головой, будто вытряхивал из нее все бессознательное и вредное. И пристально посмотрел на экран. Незнакомые созвездия огромной дугой опоясывали видимый горизонт. Антигравитационного излучения оказалось недостаточно, чтобы вырваться за пределы Млечного Пути. Теперь «Биофор» несясь обратно к Солнечной системе и, в конечном счете, к ядру галактики, чьи притяжения превышали антигравитацию, излучаемую кораблем. Риверс поспешил выключить антиграв.

Долго просто сидел и вспоминал. Огляделся. Увидел себя в зеркале и ужаснулся. Упал на пол и зарыдал, давясь слезами и размазывая их по грязному обросшему лицу. Перед его

взором, словно призрак, возник явственный призрак одиночества. Он закричал в пустоту, надрываясь:

– Домой! Домой!

Им овладела лихорадочная жажда деятельности. Забросал навигатор вопросами и жадно изучал ответы. Далеко занесло его! К самому облаку Оорта. Можно ли найти обратную дорогу? Почему он не сразу сделал это, когда Земля еще была рядом? Умные механизмы по его заданию рассчитали новую трассу, соединяющую «Биофор» с почти невидимым Солнцем. Антигравитационный двигатель оказался исправным.

И тут он вспомнил о событиях на Земле, о том, что он, возможно, лично уничтожил тысячи или даже миллионы людей. Пусть врагов, но людей. А попутно и ни в чем не повинных людей. И теперь, вернувшись, что он застанет? Радиоактивную пустыню? Ядерную зиму? Одичавшие остатки хомо, но уже не сапиенсов? А может быть, мир и порядок был все-таки восстановлен, и цивилизация, пусть в упрощенном виде, все же существует? И ненависти ни к кому больше не было в его измученной душе. Ненависть сгорела в одиночестве. Осталось чисто биологическое, почти бессознательное влечение к себе подобным вне их социальных и политических отношений. Жизнь тянется к жизни из теней мертвой природы. Разум – к разуму. Таков истинный закон Вселенной. И вот ничтожный разумный атом оторвался от своего детского и обжитого места и умчался в неведомую даль, чтобы слиться с мировой энтропией, с «ничто», и все же суметь вернуться к таким же, как и он сам. Пусть еще годы одиночества, но они будут годами ожидания. И еще Риверс был теперь уверен, что сумеет доказать свое право на существование в уцелевшем обществе, даже если это будет стадо первобытных дикарей.

12

«Биофор» опять мчится в звездную россыпь, в которой затерялась одна-единственная звезда, дающая свет, тепло и жизнь. И снова текут дни, месяцы, а может быть, и годы.

И однажды приборы сказали ему, что вот та еле видимая звездочка – его родное Солнце. А потом она приблизилась. И знакомые созвездья нарисовались на черном бархате космоса. И как-то раз он услышал радиосигналы, и их звуки были осмысленны. Потом они исчезли. Были ли сигналы посланы разумными обитателями других миров или означали неизвестную игру природы?

И опять шло время. И казалось, что космос состоит только из пустоты и далекого роя бесчисленных звездных точек. И даже он сам есть только концентрат пространства и времени. Риверс узнавал созвездия и радовался, как ребенок. А Солнце все росло в диаметре и притягивало своим невидимым магнитом к себе. Он узнал Юпитер и Сатурн. И плакал от радости. И вот, наконец, обозначилась и Земля – маленькая голубенькая точечка. Настал великий час возвращения. Пора готовиться к встрече.

Выглядел он теперь глубоким стариком с седой шевелюрой, с провалившимися щеками, сгорбленный и трясущийся. Но все равно заставил себя побриться, искупаться и переодеться. И подумал: кто на Земле помнит его?

Кому он будет нужен? С чем вернется он в новую эпоху, великий отщепенец забытых веков? Не окажется ли он сам пещерным дикарем перед незнакомым будущим? С какой философией, с какими знаниями предстанет он перед людьми иной эпохи? С каким грузом прошлого? Не обвинят ли его в уничтожении мирного населения, а не только своих врагов? Поставят ли ему в вину гибель своего экипажа, за который он нес ответственность перед своей родиной? Впишутся ли в новую жизнь его привычки и образ жизни, чуждые новым поколениям? Найдет ли он родственную душу, способную понять его, простить, ввести в новый круг жизни? Эти мысли заставили забиться его сердце так сильно, что он застонал, сжимая челюсти. Эта боль поколебала его надежду и уверенность в необходимости возвращения.

13

И вот оно появилось во весь рост родное и приветливое – Солнце. А вот и Земля, освещенная наполовину. Пока еще маленький шарик, видимый с орбиты Юпитера. Риверс неотрывно вглядывался в ослепительный диск, не боясь ослепнуть. А потом переключался на Землю.

И вдруг раздались сигналы внимания. Замигали индикаторы встречи с неизвестным телом. Возможно, астероид. На обзорном экране появилась светящаяся точка. Она заметно перемещалась в пространстве. Иногда перекрывая далекие звезды. Расстояние до «точки» было не больше парсека.

Риверс вскочил и пристально вглядывался в эту точку. И вот он услышал не просто сигнал, а настоящие, живые голоса. Незнакомые слова ворвались в рубку, наполняя ее сладостными звуками разумной речи. Он жадно слушал эту речь, страстно желая понять смысл чужих слов. И ожидание возможной встречи с разумными существами учащало дыхание. И он решил направить им свое обращение.

– Говорит «Биофор». Говорит единственный уцелевший член команды космического корабля Генрих Риверс...

Говорил много и сбивчиво. Наконец устал и стал ждать ответа, хотя язык их был ему незнаком. А его язык для них? И кто они? Откуда? Жители новой Земли или обитатели планет из других звездных систем? Ему страстно захотелось хоть на миг увидеть человеческое лицо... просто человека любого возраста из любого времени. И окинуть взглядом Землю. Какая она стала теперь? Обитаема ли она теперь? Или безжизненна, как и миллионы планет в мироздании? А вдруг встреча с инопланетянами может оказаться губительной для него? Тысячи противоречивых мыслей проносились в сознании.

Звездолет неизвестной конструкции стал удаляться. Риверс похолодел. Его отвергли? Неужели это означает, что ему запрещено приближаться к Земле? Он обезумел. Порывался выскочить наружу, в пустоту. Прятался по отсекам. Снова жадно глядел на экран и ловил в звуковом вакууме крохи слов. Но их больше не было. Риверс кричал в микрофон:

– Люди Земли, будьте великодушны!

Потом он хватался за кнопку антигравитатора и, злобно бормоча проклятия, нацеливался на удаляющуюся точку. И снова кричал, протягивая к экрану дрожащие руки:

– Не уходите! Возьмите меня с собой!

И звездолет остановился. И медленно, словно нехотя, направился к «Биофору».

14

Экран вспыхнул неожиданно ярко. Риверс увидел обыкновенных людей в непривычных одеяниях. Мужчины и женщины. Они очень внимательно смотрели на него и молчали. Это были, несомненно, люди Земли. Риверс почти шепотом произнес отрывочно:

– Земля. «Биофор». Двадцать первый век. Атомная война. Мое вмешательство на стороне западной цивилизации. Возможно, я убийца очень многих людей. Своих и чужих. Виновных и невиновных. Можно ли меня понять и простить? Вы – земляне. Вы уцелели. Я когда-то покинул ее и долго скитался между звезд. Отвык от людей. Могу ли я быть принятым вами?

Один из астронавтов пристально посмотрел на Риверса. И заговорил на родном языке Риверса, правда, с каким-то акцентом:

– Человек прошлого, я понял тебя. Не ты один приходишь из прошлого. История сохранила память о той страшной войне. Но цивилизация не погибла. Основной успех в победе над силами зла принадлежит России. Сейчас это процветающая страна. Да, на Земле осталось всего

десять миллионов здоровых человек. И ты виновен в массовой смерти. Но ты и тот человек, который нанес врагам огромный урон. Суд оправдал тебя. Никаких войн с тех пор на Земле нет. Все народы объединились в единое сообщество. Мы помним – вас было четверо?

– Их больше нет, – с трудом ответил Риверс.

– Тяжелые испытания выпали на твою долю. Человек прошлого. Но мы приглашаем тебя в нашу жизнь. Тебе будет очень трудно. Но мы поможем освоиться. У нас изменилось все. Все! Ведь на Земле с тех пор прошло почти сто лет. Так что... Все другое. Все чужое для тебя. Останови свой корабль. Мы приблизимся и возьмем тебя к себе.

Связь прекратилась, дав время Риверсу обдумать приглашение.

15

Риверс закрыл глаза и прошептал:

– Родина, прости!..

Ему стало вдруг совершенно ясно, что он недостоин новой жизни. Он виноват в смерти своих соотечественников. И даже, если суд землян оправдал его, он должен осудить себя сам. Он не имеет морального права вливаться в их ряды и становиться равным членом нового общества. Он не будет понимать людей, а они – его. Он не хочет быть музейным экспонатом, свидетельствующим о черных годах истории. Как если бы вдруг ожил Аттила или Тамерлан. Какой смысл в продолжении его личного существования в чужой среде и не только на Земле, но и вообще? Но если никому не нужна его жизнь, почему должны жить другие?

Эта мысль потрясла его и овладела им. Негнушимися пальцами он навел антигравитатор на звездолет землян. Нехорошо усмехнулся и нажал кнопку пуска излучения. И оправдывал сам себя:

– Если жизнь где-то и зародилась в космосе, то это было его ошибкой. Правду говорил Дакс: смерть – вершина материи.

Но звездолет был окружен защитным полем, которое в одно мгновение испепелило «Биофор».

На орбиту не вернулся

Индивидуальный посадочный модуль отделился от «Стрелы» и через полчаса опустился на каменистую поверхность незнакомой планеты. Немедленно была установлена радиосвязь. Все дальнейшее излагается по магнитной записи переговоров между капитаном «Стрелы» и разведчиком на модуле.

РАЗВЕДЧИК: «Стрела», «Стрела». Выхожу на связь. Приземлился. Вернее, припланетился успешно.

КАПИТАН: Поздравляю. Итак, повторяю: разведка строго по программе. Связь непрерывная. Рассказывай обо всем, что увидишь, почувствуешь. Видеозапись непрерывная.

РАЗВЕДЧИК: Ясно, ясно. Жаль, что в атмосфере полно углекислого газа, не вылезешь из скафандра.

КАПИТАН: Я тебе вылезу. Из модуля ни на шаг. Инструкция...

РАЗВЕДЧИК: Не волнуйся, не вылезу.

КАПИТАН: Давай визуальный анализ. Потом решим, что делать.

РАЗВЕДЧИК: Нахожусь на красно-бурых камнях. Что-то вроде холма с плоской вершиной. Такие же вершины разбросаны по всей долине на порядочном расстоянии друг от друга. Но самое интересное – между ними. Странное зрелище...

КАПИТАН: Не тяни. Нам же с орбиты не видны детали. Полосы и все. Что там?

РАЗВЕДЧИК: Это трубы темно-зеленого цвета. Метра два диаметром. Откуда они начинаются – не вижу. Но все тянутся в одну сторону. Очень близко друг от друга. Но чем дальше от меня... трубы разворачиваются и постепенно принимают поперечное направление. Становятся фиолетовыми. А дальше какой-то туман.

КАПИТАН: Как, по-твоему: что это?

РАЗВЕДЧИК: Стволы... Бревна... Колонны... Трубопроводы... Гряды растительности... Брустверы... Искусственные образования... Все что угодно. Надо опуститься к ним поближе.

КАПИТАН: Нам отсюда видно, что твой район сплошь состоит из полос, идущих радиально, слегка закручиваясь к центру, расположенному от тебя километрах в десяти на юго-восток. Там местность понижается и все окутано, как ты говоришь, туманом. Все скрыто. Полосы идут к этому центру или выходят из него. Ты находишься в трех километрах от внешнего контура полосатой зоны. Давай так. Спустись, но зависни над объектом не ниже десяти метров. Осмотришься. Тогда решай.

РАЗВЕДЧИК: Опускаюсь. Ближе... Ближе... Да, это гладкоствольные трубы. Просвет между ними не более двух-трех метров. Но под ними – темно, ничего не видно. Какие-то переплетения. Все трубы разные. Одни толще, другие – тоньше. Местами на них бурые наросты. И никакого движения. Полная неподвижность. Впрочем...

КАПИТАН: Что еще?

РАЗВЕДЧИК: Какие-то отростки с шишками на концах. Вроде коровьих хвостов. Вот один такой хвост поднялся из щели между трубами. Ого! На такую высоту? Слегка покачивается. От ветра?

КАПИТАН: Только один хвост?

РАЗВЕДЧИК: Да нет. Вот еще... И еще. Выскочит, покачается и назад. Будто кто-то втягивает.

КАПИТАН: Предположения есть?

РАЗВЕДЧИК: Представь себе гигантский лесоповал. Во всю долину. Только деревья непомерно длинные и все лежат вершинами или комлями к одному центру. Лес не лес. Трубы не трубы. Черт знает, что это!

КАПИТАН: Ну ладно. Пролети вдоль к эпицентру.

РАЗВЕДЧИК: Ты так говоришь, будто это действительно лесоповал. От взрыва? Может, быть, это тоже следствие падения своего Тунгусского метеорита?

КАПИТАН: Но ты же видел, что вся низменная часть планеты покрыта такими очагами с радиальным расположением полос. В каждом очаге – свой эпицентр, куда сходятся или откуда выходят эти «трубы».

РАЗВЕДЧИК: Да, я помню. Значит, к центру?

КАПИТАН: Давай. Но осторожно. Кто знает, что приготовила нам природа.

РАЗВЕДЧИК: Лечу. Но могу ручаться, что это не живое.

КАПИТАН: Всему свое время. Лучше наблюдай внимательнее.

РАЗВЕДЧИК: Подо мной самая толстая «труба». Она плавно изгибается по рельефу. «Лебединая шея»...

КАПИТАН: Какая шея?

РАЗВЕДЧИК: Я так назвал эту трубу. Похожа... О-ох!

КАПИТАН: Что там? Не молчи...

РАЗВЕДЧИК: Что-то ударило в дно модуля. Мягким, но упругим. Как будто запустили глиняным комом. Внизу все спокойно. Ну и шутки... Кое-где над «Лебединой шеей» покачиваются «хвосты». Неужели это растения?

КАПИТАН: Мне не нравится этот удар. Смотри там...

РАЗВЕДЧИК: Птицы... птицы! С крыльями. Клювы, как ножницы. Ближе... Какие огромные...

КАПИТАН: Ну, вот и первые обитатели планеты. Стало быть, есть жизнь. Отлично! И что они?

РАЗВЕДЧИК: Летят к вершине одного холма... Ого!

КАПИТАН: Ты что кричишь?

РАЗВЕДЧИК: Мне показалось...

КАПИТАН: Когда кажется...

РАЗВЕДЧИК: Это правда. «Хвост» подскочил и «шишкой» сбил одну птицу. Мгновенно, как выстрел.

КАПИТАН: Дальше, дальше.

РАЗВЕДЧИК: Ну и она упала. Прямо в чащу между трубами. Вот тебе и «лебединые»... Черт, опять ударили.

КАПИТАН: «Хвостом»?

РАЗВЕДЧИК: Больше нечем. Надо подняться выше, не то... Леший тебя возьми!

КАПИТАН: Говори, говори...

РАЗВЕДЧИК: Не могу подняться.

КАПИТАН: В смысле? Что-то держит или с двигателем неладит? Ты без намеков.

РАЗВЕДЧИК: Что-то держит. Мне не видно. Кто-то или что-то тянет модуль вниз. Сейчас проверю.

КАПИТАН: Ну?

РАЗВЕДЧИК: Теперь вижу. Десятки «хвостов». Ухватились за амортизаторы... Как шупальца... Приняли модуль за птицу?

КАПИТАН: «Трубы» с «хвостами» – живые?

РАЗВЕДЧИК: Пока так не считаю. Включаю двигатель подъема...

КАПИТАН: Ну, что?

РАЗВЕДЧИК: Никак. Не могу вырваться. Двигатель не справляется... Ох... Падаю... Меня тянут вниз...

КАПИТАН: Не вижу тебя. Где ты? Не молчи, ради Бога!

РАЗВЕДЧИК: Дай опомниться. Упал между «трубами» или как их там... Тут сумрачно и все опутано чем-то вроде лиан. Да это же «хвосты» с «шишками»! Жуть какая! Попробую отсюда выбраться...

КАПИТАН: Ну, как? Удалось?

РАЗВЕДЧИК: Черта с два. Держат крепко. Взяли в плен.

КАПИТАН: Теперь жди контакта.

РАЗВЕДЧИК: Ты думаешь что...

КАПИТАН: Просто надо быть готовым к этому.

РАЗВЕДЧИК: Кто-то или что-то толкает модуль вдоль «труб». А вверх не отпускает...
Насилие или приглашение в гости?

КАПИТАН: Поддайся. Но будь бдительным. При малейшей угрозе сообщай. Придем на выручку. И не забывай описывать все, что видишь. И что слышишь.

РАЗВЕДЧИК: Это похоже на джунгли. «Трубы» нависают надо мной. Модуль свободно проходит под ними. Лианы легко раздвигаются. Но что меня тянет вперед? Какая сила? Вдруг не отпустят?

КАПИТАН: В крайнем случае, мы с орбиты направим энерголуч и выжжем все вокруг тебя. Но это – в крайнем случае. Пока нет явной угрозы, продвигайся к эпицентру сам или с их помощью. Не бойся...

РАЗВЕДЧИК: Капитан, как ты мог подумать? Просто не по душе мне этот плен. Тут все непредсказуемо...

КАПИТАН: Что сейчас?

РАЗВЕДЧИК: Волокит вперед. Скорость приличная. Где-то под двадцать километров в час. Если меня туда пустят, я буду в эпицентре через полчаса. А вот и новости...

КАПИТАН: У тебя очень длинные паузы.

РАЗВЕДЧИК: Я же не радиокomentатор. Ну так вот... По экрану обзора ударила эта самая «шишка». С огромный арбуз. Похожа на увеличенный цветок клевера. На экране осталось желтое пятно. Вот оно потекло... Ядовитый плевок! Становится все темнее... Появился синий туман... А вот новое... «Трубы» шевелятся, вибрируют, пытаются подняться... Внутри их что-то перемещается. Если бы я был уверен, что «трубы» это кишечник, я бы сказал, что это перистальтика.

КАПИТАН: Трубы – кишечник... Оригинально!

РАЗВЕДЧИК: А... вот на чем они держатся!

КАПИТАН: Очень интересно! Продолжай.

РАЗВЕДЧИК: Как гусеница. Отростки из «труб» спускаются до земли и уходят в нее. Но это не все. Вот моя «лебединая шея» выдернула несколько лап и пытается подняться. На концах лап... ей-богу, пальцы. Или корни? Ну и дела!

КАПИТАН: Значит, все-таки флора?

РАЗВЕДЧИК: Похоже. Но какие гигантские стебли! Но... Что это?

КАПИТАН: Спокойнее. Говори.

РАЗВЕДЧИК: Сверху упало что-то. Опутано «хвостами». Они трепещут. Да это же птица! Вон и крылья торчат... Подбили бедную и... жрут! Рвут на куски и глотают!

КАПИТАН: Глотают? Ты не ошибся? У них есть рты, зубы?

РАЗВЕДЧИК: Точнее, всасывают. По «трубе» проходят волны. Все! О, боже! Не хотел бы я оказаться на месте этой птицы...

КАПИТАН: Значит, тебя приняли за птицу и поохотились.

РАЗВЕДЧИК: Но модуль оказался несъедобным и вот его волокит куда-то для... анализа?
О-о-о!..

КАПИТАН: Опять эмоции. Ну что еще?

РАЗВЕДЧИК: «Лебединая шея» в одном месте раздувается... Раздувается... Принимает желтую окраску. Вот это шар? Ого... Лопнул. Во все стороны посыпались светящиеся шарики. Как от пинг-понга.

КАПИТАН: Точнее: летят, падают, поднимаются?

РАЗВЕДЧИК: Падают, но медленно. Скатываются по «трубам». Падают на землю, подсакивая, точно резиновые. И сразу... Не может быть...

КАПИТАН: Прорастают?

РАЗВЕДЧИК: Как ты угадал? Именно прорастают. Как бамбук. Вылезает этакая конусообразная почка, прет вверх, от нее отделяются побеги. Черные, противные, похожие на сучья мертвого дерева... Побеги касаются лиан и... «шишки» прилипают к побегам и... точно – жрут их. Хрям-хрям. И вот уже одного такого бамбука нет. Съеден без остатка. Каннибализм какой-то. Своих же детей пожирают...

КАПИТАН: Модуль движется?

РАЗВЕДЧИК: И без моего участия. Совсем стемнело. На видеопленке ничего не будет видно. Туман или дым – густо-синий, ключьями. Между прочим, «трубы» куда-то поднимаются. Все как одна. Все выше и выше... Лапы вытягивают. Я как в сосновом лесу. Опять загадили экран! Проголодались что ли?

КАПИТАН: Ты почти в эпицентре. По-прежнему тебя не видно. Но радиосигналы фиксируются полностью. Жаль мы не оборудовали модуль телесвязью.

РАЗВЕДЧИК: Ты знаешь... Начинается нечто непонятное. Я действительно в самом центре. Сюда сходятся все «трубы». Они образуют надо мной как бы гигантский шалаш. Оказывается, на концах «труб» – ветки. Густые заросли. Гибкие, длинные, подвижные. Они сплетаются между собой... Обнимаются...

КАПИТАН: Антропометрический образ. Не увлекайся.

РАЗВЕДЧИК: Но очень похоже. Просветлело. Какие чистые фиолетовые цвета! Слышу непонятные шорохи, скрежетания... стоны... От обнимающихся веток исходит голубоватое сияние. Или мерцание. Электрические разряды? Огни святого Эльма? Флюоресценция? Термохимия?

КАПИТАН: Выводы потом. Зри, зри...

РАЗВЕДЧИК: То ли они дерутся, то ли целуются?

КАПИТАН: Однако... Детали давай.

РАЗВЕДЧИК: Освещение плохое. Когда там вспыхивает что-то, тогда более-менее видно. А так... Ну вот, между встретившимися ветвями иногда вспыхивают... ну не молнии, а скорее фейерверк. Анализаторы показывают резкое повышение содержания азота, тогда как раньше основной компонентой атмосферы был углекислый газ...

КАПИТАН: Продолжай, даже если об одном и том же.

РАЗВЕДЧИК: Обмен разрядами... Феерическое зрелище! Это надо видеть. Фантастическое. В ушах – сплошной стон. Ветки изгибаются, словно в конвульсиях. Пароксизм какой-то. Мне бы подняться поближе к ним...

КАПИТАН: Там может быть опасно. Высоконапряженные поля.

РАЗВЕДЧИК: Я всегда успею опуститься снова. Да и модуль достаточно защищен. Ну... Попробую... Ты знаешь, поднимаюсь. Вот это зрелище! Водоворот огня! «Трубы» дрожат, как в экстазе. Вниз летит лиловая пена. Взрывы красок... Звуки оглушают. Модуль сотрясается. Н-над-до оп-пускат-ться...

КАПИТАН: Что-нибудь серьезное? Немедленно вниз?

РАЗВЕДЧИК: М-меня б-брос-сает из с-стор-рон-ны в с-стор-рону. Кр-рутит. В-вер-ртит. Ой!..

КАПИТАН: Что? Что?

РАЗВЕДЧИК: Не отпускают. Весь экран заплеван. Все вертится. Нет, отпустили. Падаю... Двигатель включен... Удар! Не нарушилась ли герметизация модуля? Все-таки удар был силен. Экран погас.

КАПИТАН: Включи запасной.

РАЗВЕДЧИК: Я забыл о нем. Сейчас попробую. Работает. Слава богу! Черт, плечом парихнул – больно. Впрочем, ерунда. Постараюсь выбраться из эпицентра. Двигатель заработал. Но модуль ни с места. Капкан? Тут такое творится... Земля дрожит... «Трубы» извиляются и бьются о землю. И снова вверх. Ветки ошалели: хлещут друг друга, как в бане. Или это война?

КАПИТАН: Не похоже. Но пора тебя выручать. Сам ты, похоже, не вылезешь. А то упадет такое «бревно» на тебя и...

РАЗВЕДЧИК: Пока – мимо. Но торопись. Модуль толкают из стороны в сторону, как футбольный мяч. Чуть не опрокинулся.

КАПИТАН: Включаю энерголуч. Прицел... Сейчас... Ага, вот твой модуль. Сделаем обводку участка. Пять метров не близко будет?

РАЗВЕДЧИК: Не должно... А может быть, не стоит?

КАПИТАН: Но у нас нет другого средства.

РАЗВЕДЧИК: Хорошо... Смотри не задень меня.

КАПИТАН: Ну, что ты! Есть луч! Вижу огненное кольцо вокруг модуля. Что у тебя?

РАЗВЕДЧИК: Дым. Огонь. Все горит. Огненные вихри. Толкание прекратилось. «Трубы» лопаются и изрыгают миллионы ярких шариков. Больно глазам. Сплошной грохот. Ад...

КАПИТАН: Что мешкаешь, черт возьми?... Шевелись!

РАЗВЕДЧИК: Поднимаюсь. Выше... Продираюсь сквозь заросли. Вот еще... Ура! Вырвался! Внизу – огненный водоворот. Выше, выше. Все «трубы» пришли в движение. Вся система начинает перестраиваться. У нее уже не сине-зеленый цвет, а скорее – сиреневый, что ли...

КАПИТАН: Немедленно возвращайся.

РАЗВЕДЧИК: Сейчас. «Хвосты» атакуют меня. Но не достают. «Шишки» извергают в мою сторону желтые плевки. Весь модуль оплевали. Еще бы! Я для них – несостоявшаяся пища. Мало того, мы с тобой потревожили их в самый кульминационный момент. А внизу... Никаких радиальных полос. Все перепуталось. Тьфу ты... И тут не отпускают! Чем-то как засветили... Орехи какие-то... Обстреливают орехами. Круглые такие, коричневые. С апельсин величиной.

КАПИТАН: Немедленно на орбиту! Приказываю...

РАЗВЕДЧИК: Иду. Смотрите что творится. Все «трубы» встают на дыбы. Гигантские столбы. Машут ветвями. Прощаются со мной или... проклинают за вторжение? Полное впечатление, что они... разумны.

КАПИТАН: Своеобразная форма жизни? Пожалуй, ты прав. Мало того, сейчас у них период любви.

РАЗВЕДЧИК: Ну, это уж слишком...

КАПИТАН: Да нет. Как у всех живых существ во Вселенной. Зеленые «трубы» могут быть, например, самцами, а фиолетовые – самками. Долгое время они растут навстречу друг другу. Потом – встреча. Любовные ласки...

РАЗВЕДЧИК: А мы их – огнем. Мы вмешались в их любовь. И они возмущены. Они поднялись на... Мы – злодеи. Нет, хуже... Нам нет оправ...

КАПИТАН: Что замолчал? Отвечай. Ты поднимаешься? Какая высота? Что случилось? Изображение модуля исчезло... Что с тобой? Где ты? Будь оно все проклято! Безумное вторжение! Вся эта затея – безумие! Они отомстили... Где ты?

* * *

На этом запись переговоров обрывалась. Индивидуальный посадочный модуль на борт «Стрелы» не вернулся. Причина его исчезновения осталась для экипажа межзвездной экспедиции невыясненной.

Страсти Земные

Я – самоубийца

Солнечный лучик согрел мои веки, и я открыл глаза. Улыбнулся блаженно. Какое чудесное утро! Так легко и радостно было только в детстве. Солнечные лучики, пробиваясь сквозь ветки деревьев, влетали в окно и, сверкая, скользили по полированным плоскостям мебели. Когда ветки шевелились от ветра, лучики прыгали с места на место, как живые.

– Солнечные зайчики, – улыбнулся я и встал. Дальше – рутина. Побрился, умылся. Надел рубашку и джинсы. Сделал лёгкую зарядку. Электронная печь по моему заказу изготовила яичницу с ветчиной и кофе, запах которого долго держался в доме. Киберы убрали постель, подмели полы, сделали влажную уборку.

После завтрака я прошёл в кабинет и выглянул в окно. Под окном рос клён. Свежая майская зелень листвы приятно радовала глаза. Раскидистая крона нависла над коттеджем, в котором я находился. Чуть подальше, в палисаднике, цвели красные розы, и их приторный запах проникал даже через закрытые окна.

За палисадником местность полого опускалась к бурной горной реке, которая с трёх сторон огибала холм с моим коттеджем на вершине. Противоположный берег был крут и покрыт лесом. Выше за лесом серели конусные вершины предгорий. Сами горы не видны из-за густой синей дымки. Место исключительно тихое, уединённое. Здесь хорошо прийти в себя после суетного бытия и подлечить нервы. Дом отдыха на одну семью.

Я обратил внимание на тишину. Странной она показалась мне. Непривычной. День за окном жил своей нормальной жизнью. Клён шевелил ветвями. Порхали бабочки. Почти невидимая отсюда река тащила по камням своё прозрачное, худое и шумное тело. И было тихо. Закрытые окна не впускали внешние звуки. Я хотел открыть окно, но не смог. Наверное, краской прихватило. А жаль. Мне страстно захотелось глотнуть свежего воздуха, почувствовать его на лице.

У меня появилось ощущение, будто я что-то забыл или не всё знаю о доме, где я нахожусь, о данной местности. Встряхнул головой. Прислушался к своей памяти. Вроде бы всё в порядке. Но отчего вдруг такое ощущение?

В кабинете у самого окна боком к нему стоит письменный стол. На его гладкой поверхности лежит стопка чистой бумаги и подставка в виде деревянной чаши, в которой разместились авторучки, карандаши, фломастеры. Тут же ноутбук с принтером и сканером. И зачем-то – пишущая машинка. А в ящиках стола я нашёл различные канцтовары, бумагу, блокноты. А также диктофон, микрокалькулятор и разную мелочь. Зато нигде не увидел телефона или факса. Нет и мобильного. Жаль, я забыл свой дома.

Одна стена в кабинете представляла собой книжные полки от пола до потолка. Тут были справочники, энциклопедии, антологии. Представлена публицистика и художественная классика. Но зато нет ни газет, ни журналов. Станный подбор! За столом удобное кресло с изменяющейся топологией. Я спросил себя:

– Что я должен делать: работать или отдыхать? Продолжать работу над романом? Составить отчёт? Что со мной? Почему я здесь? Кто подскажет, чем заниматься? Вообще-то я в отпуске. По путёвке Литфонда. Приехал вчера вечером один. Жена должна приехать сегодня. Сейчас восемь двадцать шесть на ручных часах. Других здесь нет.

Неясная тревога зашевелилась во мне. Если я приехал отдыхать, то зачем здесь созданы все условия для писательского труда? Кому надо спровоцировать меня на творческий труд?

Заставить вернуться к адской деятельности в момент депрессии? При вручении путёвки мне обещали идеальные условия для отвлечения от творчества. А на деле...

Мне показалось, будто в соседней комнате находится кто-то чужой и опасный. Сейчас он войдёт в кабинет и... Дверь сама по себе открылась, но никто не вошёл. Шевельнулись шторы на окне. Лёгкий ветерок заскочил откуда-то на секунду и тут же угомонился. И кабинет стал казаться одушевлённым. Книжки – притаившиеся хищники, приготовившиеся к прыжку. И, если я сделаю неправильный ход, они бросятся на меня и сожрут. Впрочем, всё это мне мерещится из-за депрессии, от которой я и решил выбрать уединённый способ отдыха. Или работы?

Мне захотелось немедленно выйти наружу, прикоснуться к природе, убедиться, что всё это существует на самом деле. Захотелось потрогать пунцовые лепестки роз, лапчатые листья клёна, ровную, словно подстриженную траву. Захотелось почувствовать холод горной воды и тяжесть камня в руках. Много чего мне захотелось в этот момент.

Я пошёл к выходу. Дверь оказалась закрытой. Но почему? Вчера представитель фонда проводил меня сюда и вручил ключи. Кстати, где они? Дом я на ночь не запираю. Кто же запер меня снаружи? Зачем? Я провёл вздрагивающими пальцами по пластиковой обивке двери и замер. За дверью раздался тонкий стеклянный звон, как будто запели колокольчики. И звуки эти были неприятны мне. Почему?

Я вспомнил, что на кухне окно открыто и направился туда. В самом деле, обе створки были распахнуты наружу. Вид из окна был слишком ярким и похожим на театральные декорации. Луг, спускающийся к речке. Отсюда немного видно сверкающую спину речки. За ней зеленел лес. А дальше – скалы, одетые в тёмно-зелёную лесную шубу. А ещё дальше – только каменные вершины, изрезанные морщинами трещин. Небо – чистейшее, словно постиранное и крахмаленное. Солнце уже высоко. Очень яркое и чуть-чуть нереальное.

Мне стало душно. И будто кто толкнул в спину: вон из дома. Ну что ж, нельзя выйти в дверь – вылезу в окно. Я забрался на подоконник, но он вдруг изогнулся и сбросил меня на пол. Тогда я протянул руку в окно, и пальцы натолкнулись на невидимую преграду. Стало ясно: дом сопротивлялся моим попыткам покинуть его. Это открытие поразило меня, как гром. Но почему дом не хочет, чтобы я вышел? Без меня ему скучно? Или это плен? Кому это нужно? Не дому же, в самом деле? Тогда кому? С какой целью? Фонду? Но тогда реклама уединённого отдыха – обман? Зачем?

В прихожей раздался тихий смех жены. Приехала? Я и не заметил. Одна? Интересно: дом её пропустил? Мне не хотелось, чтобы она увидела меня озабоченным. Больше всего мне хотелось выбраться из дома любым путём. И я поступил безрассудно. Я не стал встречать жену. Я подошвынул к окну стул, встал на него и прыгнул наружу. Упал на мягкую сочную траву. Что-то зазвенело за мной, словно я разбил невидимое стекло. Оглянулся. Створки захлопывались на моих глазах. Окна почернели, точно в доме наступила ночь.

Обогнув угол дома, я очутился в розарии. С этой стороны все окна на обоих этажах были закрыты и темны. Зато входная дверь приветливо открыта. Я заглянул внутрь дома издалека. В прихожей горел свет. Плескался тихий радиоручеёк, брызгаясь сентиментальной мелодией. В душе наступала оттепель.

Одно окно вдруг распахнулось. В доме засмеялась женщина. Теперь меня потянуло назад. Но я человек упрямый. Раз решил, значит всё. Вышел из розария и стал спускаться к речке. Луг цветёт ромашками, колокольчиками, львиным зевом и совсем незнакомыми цветами. Вот и берег, заваленный каменными глыбами разных размеров. Завал перекрывал реку. Вода бьётся о камни, завихряется, гудит, фонтанирует брызгами и бликами.

Я пошёл по берегу, не осознавая, что буду делать сейчас, через полчаса, до конца дня. Мои желания были неопределённые и противоречивые. Только что мне хотелось вырваться из коттеджа, а теперь напротив – вернуться. Но не иссякло и желание идти дальше. Куда? Зачем? Как будто внутри меня сидят два человека. И кто-то один в данный момент побеждает другого.

Один нашептывает: «За две недели ты закончишь, наконец, давно начатый роман, а здесь тебе созданы все условия для этого». А другой толкает меня за пределы дома, за пределы долины – на ту сторону реки. После недолгой борьбы победу одержал второй «я», и он отправил меня на переправу.

Только наступил на первый камень, как раздался оглушительный рёв, и бурные потоки воды мгновенно скрыли все валуны и на дне реки, и на берегу. Водоворот забушевал с такой силой, что о переходе на другую сторону не могло быть и речи. Река тоже не хотела пропускать меня? Я отступил. Едва я сделал шаг назад, как река тут же успокоилась, обмелела и обнажила каменистое дно.

Но не в моей натуре было отступать. Я решил применить приём «прыжка в окне». Отступил подальше и с размаху бросился бежать по воде. И снова нахлынул горный поток. Бешеная вода ударила меня, повалила, закрутила, ободрала о камни и вышвырнула на берег. Я потерял сознание.

А когда очнулся, увидел себя лежащим на цветочной поляне недалеко от коттеджа. Надо мной резвятся беззаботные стрекозы и бабочки. Над ухом стрекочет кузнечик. По лицу ползают муравьи. Сама природа подсказывала, что нужно сидеть дома, работать и не шататься по долине. Я понял, что попал в ловушку. Коттедж – это не семейный дом отдыха, а осажденная крепость. И вылазки из неё не приветствуются. Но кто осадил меня? За какие грехи? К чему всё это? В чём смысл? Я оказался в зыбком полуреальном мире, где всё совершается по воле рока или... бога. Или в этой долине действуют какие-то особые законы природы? Вопросы, вопросы...

Окна и двери коттеджа просят: «войди». Но они же закрываются, когда я внутри. У них есть цель. А у меня? Даже у реки есть цель – не пропускать на противоположный берег. То есть вектор дозволенных перемещений очерчен достаточно чётко. Но кем? И зачем? А второе «я» проснулось и стало стыдиться за малодушие и слабование. Оно подсказывало, что в доме таится опасность. Она замаскирована уютом и страшна последствиями. Оно убеждало немедленно покинуть долину и вернуться в город.

Я присел на бугорок и начал взвешивать свои мысли. Солнце пригревало. От мокрых джинсов и рубашки валил пар. Вот одно «я» говорит: «забирай жену и немедленно возвращайся в город. Там за горами твоя настоящая жизнь и ответы на все вопросы. Депрессия преодолевается только в борьбе». Зато другое «я» иезуитски утешало: «стоит ли забивать голову всякими пустяками? В конце концов, что важнее творческого процесса? Ты же сам хотел сюда. Никто насильно не тащил. Ну, не работаешь, так отдыхай. Опять же для этого здесь идеальное место. Долина «Чудо» – твоя мечта».

– А, чтоб вас! – разозлился я на обоих. Это было похоже на отступление после разгрома. И даже не отступление, а побег с поля боя. В доме заиграла обволакивающая мелодия. Я дрогнул и почти вбежал в подъезд.

Меня встретила женщина моложе меня, одетая в простое ситцевое платье в голубой горошек. Редкость по нашим временам. Как описать её внешность? Невысокая, с гимнастической выправкой, белокурые с желтизной волосы, короткая причёска. Пожалуй, красивое узкое лицо с восточными миндалевидными глазами. Карие зрачки и почти чёрные ресницы. Не лицо, а сборник контрастов.

– Я приехала, а тебя нет. Ты гулял?

– Да, с утра пораньше. Знакомился с местностью.

– Тут чудесно, правда?

– Пожалуй, буркнул я.

– Ты собираешься работать сегодня?

– А разве не ты уговаривала меня отдохнуть здесь?

– Я думала. Но ты весь мокрый. Что-нибудь случилось? Ты упал в воду?

– Ничего особенного.

Потом мы сидели за кухонным столом, ели что-то, приготовленное кухонным автоматом. Жена что-то спрашивала. Я был углублен в себя и отмалчивался.

– Отдохни и начинай работу, – настаивала жена.

Я отмахнулся. После обеда мы поднялись на второй этаж и вышли на открытую веранду.

И я спросил:

– Тебе не кажется всё это странным?

– Что именно, дорогой?

– Всё это. Коттедж, долина, река...

– О чем ты говоришь? Ты в порядке?

– Мне бы хотелось вернуться домой.

Я ушёл в кабинет. Настойчивость жены раздражала. Я сел в топологическое кресло и тупо уставился на экран включенного ноутбука, как будто хотел найти в нём нужные мне ответы. И тут на меня нашло. Я схватил диктофон и запустил его в компьютер. Он легко соскользнул со стола и шмякнулся об пол. Я вскочил. Блуждающим взором оглядел полки с книгами и принялся раскидывать их во все стороны. Жена вбежала, недоумевая.

– Ловушка! – крикнул ей. – Это ловушка! С нами что-то происходит. Со мной, с тобой.

С миром. Мы попали в ловушку.

– Прошу тебя: успокойся, – уговаривала она. – Просто у тебя не в порядке нервы. Нельзя так волноваться.

Она взяла мою левую руку, и я почувствовал неожиданную железную хватку её пальцев. Но она никогда не обладала такой силой. Мне ли этого не знать. Я вырвался. Она хотела догнать меня, но запнулась о разбросанные на полу книги, не удержалась и упала, ударившись головой об угол стола. До меня стала доходить вся нелепость и трагичность сцены. Я нагнулся, чтобы привести её в порядок. Но она не дышала. И тут я увидел... Голова её была пробита. Но крови не было. Под волосами зияла трещина. А в ней... Я в ужасе бросился бежать куда глаза глядят. Внутри её голова была напигована микроэлектронной мешаниной.

– Робот! – дико закричал я и попытался выскочить на улицу. Но дверь не выпустила меня. Тогда я нашёл какую-то железку и запустил её в окно. Железка пробила защитный экран, и я мгновенно последовал за ней апробированным приёмом. Позади знакомо зазвенело, но я уже бежал через розарий. Кубарем скатился по лугу к реке. Она была так же прозрачна и худа, как утром. Не останавливаясь, с разбега побежал по камням переката. И опередил её. Река бесилась уже за моей спиной, но достала меня холодным душем.

Эта победа меня вдохновила. Я стал карабкаться по крутому склону, заросшему частым молодым ельничком. Скоро начался настоящий хвойный лес. Стало сумрачно. Запахло прелой хвоей. День поворачивал на вечер.

Куда я стремился? Почему я не стал искать дорогу, по которой мы с представителем приехали сюда? Почему сразу рванулся на тот берег, где нет никаких дорог? Инстинктивно я чувствовал, что путь мой лежит через лес и горы. Там по шоссе едут машины. Там город. Там цивилизация. Там люди. Просто я был сейчас одержим идеей побега.

Идти было трудно. Зачастую приходилось карабкаться, хватаясь исцарапанными руками за еловые ветки. Чем выше я поднимался, тем лес становился более дремучим и тёмным. Начался дождь. На миг ослепила молния, и гром заложил уши. Лес был враждебен мне, я понимал это. И тоже не хотел пропускать меня. Но я понимал, что ни за что не отступлю. Дождь превратился в ливень. Я сразу вымок и стал мёрзнуть. Налетел сильный ветер. Под деревьями он ощущался сравнительно слабо. Зато наверху верхушки столетних елей раскачивались во все стороны с необыкновенной лёгкостью. Земля стала скользкой. Я часто падал в грязь или в набухшие влагой травы. Стал уставать. Но упрямо двигался. Как во сне. Цель подчинила меня

целиком. Молнии рвались снарядами и пронзительно яркие стрелы падали совсем близко от меня.

Вот рядом вспыхнуло оранжевым огнём поражённое дерево. Огонь выхватил из сумерек искажённые силуэты деревьев. Они шевелились, как грозные великаны, готовые броситься на меня в любую минуту. Они ждали, когда я обессиленный упаду и не смогу оказать сопротивление.

Не знаю, сколько я поднимался по склону, ослеплённый молниями и вымокший до нитки. Вот, наконец, лес отступил, и я очутился в узком ущелье между двумя высокими скалами, почти нависшими над ущельями. Ещё одна победа! Но она уже не радовала меня. Было не до того. Усталость гирями повисла на ногах. Хотелось бросить всё к чёрту и лечь прямо на камни.

Но я всё шёл и шёл, еле волоча ноги. Миновал небольшую полянку, густо заросшую высокими острыми травами. Ступил на каменистую поверхность, усеянную щебёнкой с острыми рёбрами. Идти стало невозможно.

Стало быстро темнеть. Я выбивался из последних сил. Мне казалось, что стоит только остановиться и станет ясной бессмысленность моей затеи с побегом. Но если преодолею этот перевал... Но мысли обрывались.

Вот я уже ступил под скалы, где было совершенно темно. Вытянул руки вперёд. Почему я не решился на отдых? Можно было передохнуть на той зелёной полянке до утра, а когда взойдёт солнце, снова продолжить путь к свободе. Но мной овладело безумие, и я продолжал идти. Остановка означала для меня смерть.

Руки наткнулись на невидимую преграду, на что-то гладкое и вертикальное. Осторожно ощупал препятствие. Это была гладкая стеклянная стена. Я обследовал её по всей ширине от одной скалы до другой. Метров двадцать. Прохода вперёд не было. Всё! Я дошёл до края ойкумены. Ловушка оказалась сильнее меня.

В отчаянии я уселся на осыпь возле скалы и зарыдал. Рвал на себе волосы и бился лбом об стену. Совершенно обессиленный растянулся на камнях, сознание покинуло меня. Но вот я очнулся. Ночь ещё плыла над горами и за невидимой преградой. Скалы источали мертвящий холод.

И тут... Где-то далеко за стеной появилось изображение человеческого лица. Оно приближалось и увеличивалось, пока не заняло весь проём между скалами. Я различал малейшие неровности на его коже. Мистическое, ирреальное зрелище. Лицо с интересом смотрело на меня, а я тупо уставился на его серые выпуклые глаза и чувствовал нервную дрожь по всему телу.

И вдруг я испугался по-настоящему. Я узнал это лицо. Это невероятно, но это было моё собственное лицо. Сердце остановилось. Дыхание прервалось. Лицо пошевелило губами и сказало моим голосом, громом, пронёсшимся над долиной:

– Удивительно. Я не ожидал, что ты можешь принять физический облик, зрительный образ. Ты так и не стал дописывать роман? А я так надеялся.

– Кто ты? – задал я глупый вопрос, хотя уже знал ВСЁ. Мой голос прозвучал для него комариным писком, но ОН услышал меня.

– Ты разве не понял? Ты – моя электронная копия. По программе ты должен был продолжать мою работу. Я создал для этого все условия. Я перенёс в компьютерный мозг почти всего себя, кроме...

Я слушал его так, как слушают бога. А он замешкался на секунду и продолжал:

– Кроме моих инстинктов и некоторых черт характера. Они оказали на тебя непредвиденный мною эффект. С самого начала ты пытался преодолеть мою программу и покинуть долину.

– Но это жестоко! – крикнул я.

– Интересно! – удивился ОН. – Почему?

– Я понял. Я только изображение на экране. Я не существую реально. Я – твоя прихоть, причуда, эксперимент. Ты – Пигмалион. Так продолжи своё деяние: перенеси меня в объективную реальность. Я не должен зависеть от твоих безрассудных фантазий.

– Ты меня поражаешь, – проворчал ОН. – Я тебя создал, и я же должен тебя выключить. Ты всего лишь фантом, электронный вихрь, антиэнтропийная сущность.

– Подожди! – заорал я. – Ты не можешь так вот просто уничтожить меня, который ощущает себя божьей тварью. Я хочу жить!

И я увидел, как его толстые пальцы поднялись над невидимой мне клавиатурой компьютера.

* * *

Мягко щелкнула клавиша. Изображение на экране исчезло. Умолк бредовый диалог со своим электронным двойником. Всё позади. Опыт не удался. Впрочем... Почему тогда в душе гадко и тошно? Такое ощущение, будто убил живого человека. Даже не просто человека, а... самого себя. Я – самоубийца! Почему я легкомысленно отнёсся к его животному крику? Боже, что это было? И было ли?

Я встал, заходил по комнате, нервно щёлкая пальцами. Покосился на компьютер. Он стоял, уставившись на меня слепым квадратным зрачком. И мне вдруг захотелось броситься с головой в мёртвый теперь мир, схватить самого себя за руки и втянуть в настоящий мир, в мир живых и не всегда разумных людей.

Между улыбкой и звездами

Вакуум – по сути дела – самый фундаментальный из известных нам типов физической реальности, обладающей высокой степенью хаотичности и неопределенности. Потенциально (виртуально) вакуум содержит всевозможные частицы и поля, которые могут из него породиться при наличии соответствующих условий, но в то же время актуально в нем ничего нет. В связи с этим он оказывается чрезвычайно сложным и парадоксальным объектом.

А.М. и В.М. Мостепаненко

13.05.20...

Наконец-то однообразные дни, как страницы длинной и скучной книги, кажется, превращаются если не в праздник для истосковавшейся души, то в новое измерение, способное выдернуть меня из капкана одиночества и грусти.

День завершен, и я могу спокойно воспроизвести его в уме и на бумаге. Я возвращаюсь к своему дневнику каждый раз, когда жизнь моя сворачивает с будничной дороги в тенистые закоулки, полные таинственной неизвестности и непредсказуемого разнообразия, к чему так стремится моя беспокойная натура. Именно поэтому я с удовольствием приняла предложение шефа вылететь в Микрогорск.

И вот я на борту фирменного вертолета. Он несет меня к неизведанным ощущениям, к новым зигзагам судьбы, встречаю и событиям. Мне немножко тревожно и радостно. Мне кажется, что моя миссия – не рядовая командировка, а нечто большее и ответственное. Мое нетерпение мешает сосредоточиться на сути задания. Я встряхиваю головой и обращаюсь к иллюминатору.

Уже вечер. Мы подлетаем к Микрогорску. Внизу полыхает электрический океан. Голубым светом залиты улицы. Дома, как светящиеся кристаллы. Симфония красок! Сверху город похож не на конгломерат цивилизации, а на светящуюся Галактику.

Засоренное звездной пылью небо потеряло свою резкость в электрическом зареве и кажется теперь размытым, неопределенным и загадочным. Тихая музыка улиц и площадей поднимается над плоскими крышами и растворяется в космосе.

Вертолет делает круг над городом и удаляется в сторону близких гор, окружающих Микрогорск. Он расположен как бы в чаще с зубчатыми краями. Горы невысокие и обросли почти до вершин темным лесом. Мы несемся к одной горе с округлой макушкой. На склоне, обращенном в сторону города, есть довольно большое каменистое плато. Я вижу приземистые строения, освещаемые уличными фонарями. Это и есть цель моего маршрута – лаборатория вакуума микрофизической станции.

Идем на посадку. Закладывает уши. Мягкое касание. Утихает гул винтов. Пассажиры суетятся. Их всего трое. Мне помогают спуститься на землю, вернее, на камни. Я поправляю на плече дорожную сумку с нехитрым скарбом и смело ныряю в синий сумрак. Легкие заполняются свежим воздухом, настоящим на горных травах.

Кто-то дотрагивается до рукава моего плаща. Оглядываюсь и вижу высокого молодого человека лет под тридцать. Такие лица, как у него, запоминаются сразу и надолго. Твердое, волевое, резкое. И глаза... Они отливают ультрамарином. Голос негромкий, но четкий. Он что-то говорит, а я будто онемела, глядя в его глаза. Потом взяла себя в руки. Что со мной? Почему-то зазвенело в голове и захотелось подняться, взмахнуть крыльями и полететь.

– Это вы из энергетической компании ЭНКО? – повторил он вопрос.

До моего сознания, наконец, доходит смысл его слов. Я подтверждаю, и мы знакомимся:

Ольга: «Я – экономист. В компании второй год. По особым поручениям.»

Озар: «МНС, кандидат и прочее. Нам сообщили о вашем прибытии. Номер в гостинице заказан. Не люкс, но отдохнуть можно.»

Вертолетная площадка совсем небольшая. Вот и край, огражденный перилами. Меня безудержно тянет взглянуть на вечерний город. Озар покорно следует за мной. Я подхожу к ограде и хватаюсь руками за холодный металл перил.

Внизу бушует всеми огнями сказочный оазис и влечет к себе, и заманивает, и дразнит. Я представляю, что иду по аллее, и подсвеченные снизу деревья кажутся инфернальными существами. Я вглядываюсь в лица оживленных и счастливых людей и завидую им. Но и мне становится легко и спокойно. И почему это все города кажутся прекрасными и притягательными?

Озар угадывает мое настроение. Наверное, поглядывал на мое восторженное лицо и думал: какая-то легкомысленная девица – неужели серьезнее не нашлось? Но вслух сказал:

– Вечер обманчив. Ночь таинственна. А утро отрезвляет. День же – обнажает и отталкивает.

Меня так и подмывает возразить ему:

– Вечер прекрасен. Ночь спокойна. Утро воодушевляет, а день... – я не подобрала продолжения и замолчала. Мне стало неудобно за свой детский негативизм. Что-то раньше я за собой такого не замечала.

Мы идем в сторону станции. Одна улица из нескольких построек неопределенного типа. Это научные корпуса. За ними – площадь. Неоновые вывески. Гостиница трехэтажная с неким подобием архитектурного оформления фасада. Улица и площадь залиты лампами дневного света на высоких столбах, совсем как в большом городе.

Вестибюль гостиницы похож на все другие. Слышится музыка из кафе. Рекламные афиши по стенам. Зевающая администратор. Уютно, тихо, на полу – ковровые дорожки. Процедура оформления заняла несколько минут. Ключ от номера у меня в руках. Озар коротко прощается и обещает зайти за мной в восемь утра.

Вот мои апартаменты. Простенько, но со вкусом. Мне нравится. Быстро под душ. Увидела себя в зеркале. Боже мой! Неужели эта стоеросовая дылда с длинными ногами и ребрами наружу – это я? Под глазами тени. Скулы выперли. Щеки ввалились. Плечи ссутулились. Завтра же возобновить гимнастику, на лицо – легкую косметику, поправить прическу. На кого я похожа? Выдра – выдрой! Понятно, почему в мои двадцать пять лет у меня еще не было настоящего кавалера. Не обидно ли?

Потом спустилась вниз в кафе. Народу немного. Я выбрала столик в углу подальше от эстрады и совместила обед и ужин. Поднялась к себе. Села за дневник. Подумала немного: с чего начать? И вывела авторучкой первое попавшееся слово.

14.05.20...

Солнечный лучик пощекотал щеку, и я просыпаюсь отдохнувшая и готовая встретить новый день с улыбкой. За окном щебечут какие-то птицы. Зарядка. Туалет. Чуть-чуть косметики. Деловой костюм. Щеткой по волосам. Теперь у меня вполне respectable вид.

Ах, какой здесь чистый и оптимистичный воздух! Я пью его, как родниковую воду, и не могу напиться. Как прекрасна жизнь! Я иду к краю вертолетной площадки. Каблуки щелкают по камням. Вот и то место. Пологий склон.

Слева по нему ползут разноцветные вагончики фуникулера. Сотрудники станции, проживающие в городе, пользуются этим видом транспорта. И сразу же у подножья горы – город. Справа от меня виден участок дорожного серпантина. На станцию из города можно добраться на автомобиле.

Но где же вчерашняя сказка? Восходящее солнце съело все краски и огни. Настроение увядает, как сорванный цветок. Прав был Озар: утро действительно отрезвляет. Какие-то

серые, невыразительные кубы и параллелепипеды, тусклые квадратики окон, пыль и обыденность. Мало деревьев. На узких улицах мечутся юркие легковушки. А люди кажутся отсюда совсем маленькими, точно муравьи с неразличимыми лицами.

Я расстроено отворачиваюсь. Сказки кончились – начались будни. Возвращаюсь в гостиницу. Завтракаю. Прислушиваюсь к своим ощущениям. Тихо, как при штиле. Только в глубине сознания еще светится огонек светлого ожидания.

И вдруг мне остро захотелось увидеть Озара. Расплачиваюсь, не доев, и бегу в вестибюль. На часах – восемь. Ну, конечно, он здесь. Верен своему слову. Джентльмен. Теперь при дневном свете он тоже как-то потускнел, но кажется еще более мужественным и... красивым – чего греха таить.

Хватит – одергиваю сама себя. Ты приехала не развлекаться, а работать. И все же... Он стал проще что ли. Понятнее. А глаза выщвели. Растрепанная прическа русых волос. Помятая куртка из светлой плащовки. Джинсы. Голубая рубашка. Сразу видно: к одежде он безразличен. Скупая улыбка. Глянцевые, как орехи, зубы. Железная челюсть. Крепкое рукопожатие. Супермен, да и только.

Мы здороваемся. Он избегает встречаться взглядами. Или в самом деле я выгляжу как баба-яга? Мы идем по единственной улице мимо строений и подходим к каменному склону горы. Я удивленно озираюсь. Куда мы пришли? Озар показывает на вход в гору. Металлические ворота, толстые, как дверцы сейфа.

– Лаборатория в горе, – поясняет Озар.

– Но почему?

– В целях безопасности.

– Для вас?

– Для города.

– Но вы-то изучаете пустоту.

– Вакуум не пустота. Это море виртуальных частиц. То есть квази – или как бы частиц.

Их нет, но они вроде бы и есть. Но вас интересует не это.

Если я правильно поняла, он пытается узнать цель моего приезда. Рано, рано...

– Я могу прямо сейчас встретиться с профессором Вероном, вашим руководителем?

– Попробуем. А вы надолго к нам?

– Это зависит от ваших опытов.

– Рутинная. Они тянутся три года, а могут растянуться на десятки лет. Вакуум непредсказуем.

Мы проходим по короткому тоннелю и упираемся в дверь с табличкой «Лаборатория № 1». Озар открывает ее и галантно пропускает меня вперед. Здесь все непривычно: современный дизайн, чистота, свежий воздух, необычные светильники на стенах. Сотрудники в белых халатах здороваются с нами и тарашатся на меня, будто я и есть та самая праматерия, которую они ищут.

Профессор Верон оказался в своем кабинете. Коротко здоровается и усаживает нас в жесткие кресла возле стола. Сам он как глыба: огромный, носатый, седоволосый и нескладный. Ему лет за пятьдесят. Лицо, как говорится, вырублено топором. Голос грубый и басовитый. Я невольно залюбовалась им: этакий мастодонт. Он спрашивает прямо с ходу:

– ЭНКО как спонсор программы хочет знать, на что мы тратим его деньги? Вы для этого здесь?

Мне становится неловко от его прямоты, но я знаю, что ответить в подобных случаях:

– ЭНКО как спонсор намерена дополнительно инвестировать программу, если успех новой серии опытов даст хотя бы минимальный результат. Стране нужна дешевая энергия. Моя миссия более прозаична: констатировать сам факт получения новой энергии хотя бы в

принципе. Я понимаю, что до практического использования ее – путь долгий и трудный. Но важен сам принцип... возможность. Вы начинаете новую серию...

Верон не дал мне договорить:

– Вы, я вижу, в курсе наших дел. Начинаем и именно сегодня. И мы великолепно обошлись бы без соглядатаев, несмотря на все наше уважение к ЭНКО. Или наших отчетов недостаточно?

– Достаточно. Но личностный фактор. Лучше один раз увидеть... Я как связующее звено между лабораторией и нашей компанией. Вас это не устраивает?

Вместо ответа Верон сам спрашивает:

– Хорошо. Что вас интересует конкретно?

– Все, – нагло отвечаю я.

– Мы тоже хотели бы знать все. Ваше время пребывания лимитировано?

– Вообще, нет. Все зависит от ваших поисков.

– Понимаю. Вы должны вернуться с победным рапортом. Я не обещаю успеха завтра, через неделю, через год...

– Я решу, когда прервать статус наблюдателя. Вы разрешите присутствовать на всех этапах ваших экспериментов?

– Да, – сухо отвечает профессор и поворачивается к Озару. – Возьми над послем шефство, если она не возражает. Сумей удовлетворять ее любопытство, если сумеешь.

Я чувствую, как приятно засосало под ложечкой, но на лице не дрогнула ни одна жилка. Верон сообщил нам обоим:

– Сегодня только подготовка. Для вас ничего интересного. Завтра приступаем к новой серии. Милости прошу. Озар, не опаздывай – через полчаса начинаем. А вы (обращение ко мне) отдохните, осмотритесь.

И он схватился за телефонную трубку, давая знать, что аудиенция окончена.

14.05.20.. (продолжение)

Дальше день проходил неинтересно. Обошла всю станцию, зашла в магазин под странным названием «Фазотрон». Магазин вместительный. И продукты, и промтовары. Полки полны. Цены умеренные, такие же, как и в моем городе. Кризис постепенно уходит из памяти народной, как тает туман над утренней рекой.

Ближе к вечеру Озар нашел меня на краю площадки, откуда я осматривала дневной город, показавшийся мне невзрачным и... примитивным. Но я хотела посмотреть, как вечер будет преобразовать его. И Озар понял мое желание.

– Я предлагаю спуститься и погулять по городу.

Он попал в самую точку. Догадливый. Мы садимся в вагон фуникулера. Вечер уже заносит свои крылья над горами. Некоторые вершины четко выделяются на синем небе, освещенные косыми солнечными лучами. Очень красивое зрелище. А город внизу как бы уходит в тень, замирает. Через двадцать минут мы вступаем на городской асфальт.

Мне очень хочется поговорить с этим приятным молодым человеком, но стеснительность не позволяет первой начать разговор. Откуда только взялось это стеснение? Вот уж никак на меня не похоже. И тем не менее... Озар, наверное, думает, что я настоящая бука, и тоже молчит. Придется идти на помощь. Я преодолеваю робость и спрашиваю:

– Вы профессиональный физик? (А ведь хотела спросить его: не женат ли?)

– Думаю, что да, – с радостью отозвался Озар. – Наука – это жизнь.

– Вас что-то тревожит?

– Мы топчемся на месте. Нужны новые подходы. Нужно не столкновение частиц, а фокусировка мощных лазерных лучей. Вот завтра посмотрим.

– Везде только и разговоров о вакууме, о Большом взрыве. Самая модная тема. Знаете, я читала труды многих физиков, но, откровенно говоря, мало что поняла. Столько гипотез.

– Вы всегда так готовитесь перед заданиями?

В его голосе мне слышатся иронические нотки, и я ничего не ответила. Некоторое время мы шли молча. Потом он не выдержал:

– Вам проще: посмотрели, составили отчет и... до свиданья.

– А чем вы рискуете?

– Деньгами вашей конторы. Институт микрофизики беден, мы зависим от вас. Это тяготит. Если в этом году не добьемся положительного результата, то... средств РАН не хватит даже на одну серию опытов.

– Положительным результатом вы называете получение неограниченной вакуумной энергии? В каком виде? Неизвестные частицы? Структуры Хиггса? Струны? Черную дыру?

– Посмотрим, что получится. Но сначала надо найти подступы.

– Но ведь для возбуждения вакуума нужна колоссальная энергия, а выход едва ли превысит вклад. Вы знаете, как повысить КПД? В какой форме проявится эта энергия? Как ее утилизировать? Видите, сколько белых пятен? А вы уже проектируете вакуумный реактор.

– Поразительная осведомленность.

– Из доклада Верона на симпозиуме в прошлом году.

Я не ручаюсь за дословность диалога, я восстанавливаю его по памяти. Но смысл разговора передаю точно. Озар нахмурился, будто я задела какие-то струны в его душе. И опять мы на какое-то время замолчали.

А вечерний город очаровал меня. Мы идем по булыжному тротуару там, где он оставлен для чудаков, любителей старины, и для влюбленных. Остро пахнут фиалки, но я не вижу, где они растут. Чередуются тень и свет от фонарей за тюлем кленовых крон. Мы останавливаемся у фонтана. Лицо покрывается остужающей моросью. Я искоса поглядываю на попутчика и стараюсь угадать, о чем он думает? Уж не обиделся ли на меня? Замечаю, что и он нет-нет да бросит на меня быстрый взгляд. Женщины чувствуют такие взгляды затылком.

Мимо гуляют неторопливые, оживленные люди. Громко обсуждают свои проблемы, спорят, смеются. Проезжают глянцево-такси. Назойливо лезет в глаза электрическая реклама. Какая глупая реклама! Впрочем, в большинстве реклама весьма низкого уровня. Я не люблю ее. По радио где-то исполняют модный шлягер. В аллеях сумрачно и символично. Я думаю: какое счастье чувствовать запах цветов, видеть звезды, познавать тайны природы и, вообще, жить! Кажется, я произнесла это вслух, потому что Озар с готовностью подключился:

– Счастье также и в том, чтобы знать кому и чем мы обязаны за это счастье, ради кого пахнут цветы, для кого мерцают звезды, почему идеологический бред XX века не поглотил весь мир. Счастье и в том, что России удалось выстоять и вернуться в мировую цивилизацию. Но не думаю, что красивые девушки увлекаются политикой.

Наконец-то я услышала от него первый робкий комплимент. Я так обрадовалась, что засмеялась. Нет, конечно, я не собираюсь заводить легкий флирт с кем бы то ни было. Это не в моих правилах. Но какой девушке не лестно услышать хорошие слова в свой адрес?

Потом мы сидим в ресторане. Веселые лица, музыка, свет, аппетитные запахи... Потом мы танцуем. Он неплохо водит. У меня кружится голова. Потом... Я смотрю в его глаза, которые днем почему-то серые, а при искусственном свете – синие.

Не чувствуя ног от усталости, но довольная, едва успев сделать запись в дневник, я бросаюсь на постель и, почти не раздеваясь, моментально засыпаю. Так что дневник я закончила только утром. И странно – я запомнила фрагмент его стихотворения. Он прочитал его у фонтана.

«И любить, и искать новое, и метаться между улыбкой и звездами – это так тяжело, но выше головы – мы природой такими созданы!»

Простенькие стихи, но что-то в них есть. Трогают. Иначе я не запомнила бы их.

15.05.20..

Лаборатория, или, как ее здесь называют, операционная, представляет собой круглое помещение без окон, освещаемое квадратными светильниками под потолком. Прямо по входу – во всю стену – огромный экран, словно мертвый глаз циклопа. Перед ним – тоже полукруглый – пульт управления с компьютерами и незнакомыми мне приборами. За пультом в центре в вертящемся кресле восседает, как олимпийский Зевс, сам профессор Верон. Сделал вид, что не видит меня. Подумаешь! Не очень-то и хотелось. Невежа! Вокруг него – человек двадцать ассистентов в белых халатах. Озар – рядом с Вероном. Интересно: какова его роль в этих опытах? Я уселась за ним. Озар часто поворачивается ко мне. Объясняет, показывая на большой экран:

– Там за стеной – рабочий зал. Главный узел – это пустотелая сфера из инертного материала. Это реактор. Из него выкачан весь воздух. Абсолютно весь, до последнего атома. Это очень важно. В отличие от Большого Андронного коллайдера мы не сталкиваем протоны, а возбуждаем вакуум лазерными пучками огромной мощности. Шесть мощных генераторов излучают лазерные импульсы так, чтобы лучи сходились в одной точке в центре генератора. Точка на самом деле меньше микрона. Совместная мощность должна возбудить вакуум и тогда...

Меня все это заинтересовало.

– А как вы узнаете, что там, в сфере, происходит?

– Не просто, но нам удалось создать систему датчиков, контролирующих весь процесс. Они передают закодированные сигналы в главный компьютер, а тот моделирует процессы и в виде условной схемы отражает на большом экране. Так что, мы видим не сами реакции, а их электронные модели.

Возбуждение Озара передается и мне. Я ощущаю сложное чувство ожидания и скептицизма. Но то, что Озар – один из участников важного эксперимента, делает его в моих глазах фигурой почти сказочной. Я улыбаюсь ему уголками губ. Неразумное сердце, почему оно бьется так часто? Что оно предчувствует? Жаль, что не изобретен прибор для определения уровней предчувствий. Но и человек задолго ощущает зарождение большого чувства в смятении души, в бессвязных мыслях, в нервном пульсе крови в венах. Неужели я?..

Я обрываю свои догадки и переключаю внимание на внешние источники информации. А мысли прорываются сквозь заграждения, и я возмущаюсь: нет, нет, это не должно начаться так... Это только намек... вопрос без ответа... Озар сидит впереди. У него чисто выбритое лицо, смешная прическа, вернее, отсутствие ее. А в синих глазах – нежность, спирающая мое дыхание. Как мне прервать тонкую нить возникшей симпатии? Справлюсь ли я? Вот взять и уехать прямо сейчас... А Озар вдруг заявляет:

– У вас красивое имя – Ольга. Мне нравятся ваши волосы, глаза и... вся-вся...

Я по-детски краснею. Нашел время! Но мне приятно услышать уже второй комплимент. Но тут Верон скомандовал:

– Начинаем. Доложите готовность.

Почти сразу же последовали отчеты:

– Блок один – готов.

– Блок два – готов.

– Блок три – готов.

Озар тоже откликнулся:

– Блок – пять готов.

И снова Верон:

– Отсчет от пяти. Пять... Четыре... Три... Два... Один.

Я сжимаюсь, как от удара или от дурного известия, и тут же клянусь себя за трусость. Ну почему должно произойти что-то ужасное? Щелкают клавиши, тумблеры. Пульт оживает, словно некое технотронное чудовище. Загораются экраны и индикаторные лампочки. Озар тоже шевелит пальцами на клавиатуре своего компьютера. Большой экран зеленеет, а свет в помещении гаснет. За стеной рождается жужжание работающих механизмов. Возможно, это включились вакуум-насосы.

Подумалось: а на улице сейчас солнце, над вершиной нашей горы летит коршун, почти не взмахивая крыльями. Пахнет травами и родниковой водой. Небо ложится голубоватой скатертью на плоские крыши зданий. Шелестят зелеными ладонями клены на городской аллее...

На большом экране появилось изображение кипящей среды. Тысячи мелких пузырьков. Появляются и тут же исчезают. Озар шепчет, повернув голову:

– Электронная модель вакуумной «пены». Будьте внимательны. Сейчас начнется.

Я и так внимательна до предела. А «пена» на экране все кипит и кипит. Верон командует:

– Пуск!

За стеной раздается приглушенный звук. Я вздрагиваю и покрываюсь потом. Неожиданно, черт возьми! На большом экране вспыхивает молния, ослепив на мгновение.

– Нет эффекта, – докладывает кто-то.

– Прибавляем мощность по второму варианту.

Опять раздаются звуки и взрывается молния на экране. Но все проходит, и на экране опять булькает пузырящееся месиво. Я разочарованно вздыхаю.

– Третий вариант. Пуск, – требует Верон.

Бухает третий залп, а на экране возникает черная точка, медленно удаляющаяся от центрального положения. Верон кричит от избытка чувств. Вот уж не ожидала от него такой экспрессии. Кто-то принес ему стакан воды, и он пьет его жадно и азартно. Самой захотелось пить. Точка на экране занимает постоянное место и начинает вибрировать и испускать еле заметное сияние вроде нимба. И вдруг все меняется. Кто-то охнул. Кто-то даже вскочил на ноги. Озар мотает головой.

– Параметры? – орет Верон. – Напряжение? Снять «шубу»? Еще... еще. Ну... что теперь?

Ассистенты быстро сообщают показания своих приборов. Точка на большом экране окутывается зеленым туманом и приближается к поверхности реактора.

– Стабилизация не удастся!

Напряжение падает!

– Гасите, – Верон машет рукой. – Банальная нехватка энергии раскачки. На сегодня хватит. Завтра в девять.

Точка погасла. Вот и «кипящее море» застыло, словно обледенело. Я вся дрожу от возбуждения. Озар берет меня за руку и говорит:

– Скорее на воздух.

Вместе с озабоченными сотрудниками мы идем по тоннелю, обмениваясь на ходу о случившемся. На площади я прихожу в себя. Сажусь на скамейку в тени. Озар – рядом. Молчим. Потом идем обедать. А вечером мы с Озаром спускаемся в город и идем в кино. Волнение улеглось. Американская эротическая комедия, глупая до невозможности, тем не менее, развеяла неприятное впечатление от неудачного опыта. И все-таки день был насыщенным.

16.05.20...

Сегодня день полный неожиданностей. Кажется, эффект получен, но не тот, который ожидали. Но по порядку. Утро пасмурное. Верхушки гор тонут в лиловых тучах. Моросит противный дождичек. С утра у меня предчувствие чего-то неожиданного. Впрочем, я часто ошибаюсь. Если бы я решила стать предпринимателем, то очень быстро разорилась бы. Тем не менее, мне захотелось выглядеть сегодня особенно хорошо. Полчаса зарядки, тщательная

прическа, строгий костюм, но сногшибательная блузка. И туфли на высоченных каблуках. Теперь я похожа на манекенщицу. Полюбовалась на себя в зеркало и с удовлетворенным тщеславием представила, какой вид будет у Озара, когда он встретит меня. Почему я так часто думаю о нем? Неужели влюбилась? Бегу опять к зеркалу. Изучаю себя. Огромные янтарные глаза. Брови взлет. Светло-каштановый водопад волос на спине и плечах. Не красавица, но и не... О господи – типичный нарциссовский комплекс! Я отбегаю от зеркала, будто меня застигли за неприличным занятием. В кафе теле диктор передает известия:

– В США уничтожены последние ядерные боеголовки... На всемирном экологическом конгрессе в Москве решаются проблемы очистки океанов... Вчера стартовала русско-американская научная экспедиция на Марс... Меланофилл вместо хлорофилла. Освоение до 80 % солнечной энергии. Пшеница выше двухэтажного дома. В Ашхабаде подписана Декларация о создании Евро-Азиатской конфедерации... На предстоящих выборах президента России выставлено двенадцать кандидатур от десяти партий...

Озар точнее, чем швейцарские часы «Омега». Уже ждет меня на обычном месте в вестибюле гостиницы. Я улыбаюсь ему раскованно, а он вытаращил глаза, как на чудо-юдо. Увы, днем у него глаза становятся серыми. От его улыбки у меня мурашки по коже. Сейчас он отвалит очередной комплимент. Я и приготовилась соответственно. Но он заговорил о деле, о пасмурной погоде, еще о чем-то совершенно не интересном. Я вздыхаю и тащусь за ним в лабораторию, как подопытный кролик. Так что захожу в гору не как хозяйка Медной горы, а как пленница ее. Все уже на месте. Краткие приветствия. Верон кивает мне:

– Вы не уехали?

– Чего ради?

Но он уже отвлекся, оставив меня в недоумении. Ровно в девять Верон дает установку:

– Корректировка программы. По варианту четыре включаем все шесть квантовых генераторов. Частота импульсов... сужение точки... Показывает же расчет, что этого хватит для возбуждения вакуума. Так что резервы у нас еще есть. Да благословит нас бог, дети мои! Вперед!

Все повторяется по вчерашнему сценарию. На большом экране снова «кипит» вакуум. Опять черная точка разбегается в сторону от центра. Через час появляется кое-что новенькое. Вокруг точки обозначились какие-то нити и спирали. Сотрудники начинают оживленную дискуссию. Слышу знакомые фамилии: Альбрехт, Стейнхард, Либшер, Линде... Речь идет о каких-то монополях, о мембранах, о частицах Хиггса. Еще называют фридмоны. Это они интерпретируют изменения. А теперь кто-то сказал: черная дыра. Я настораживаюсь. Тем более, что на большом экране маленькая точка превратилась в большую, черную и зловещую.

Озар шепчет мне:

– Ты понимаешь – что это? (Он назвал меня на «ты»? Снизолел все-таки.) Это сенсация! Мы выбили ее... Не ту, а другую.

Верон вмешивается:

– Спокойнее. Не мечите икру преждевременно. Это не черная дыра. Следите за ее активностью, а то она наломает нам дров.

Через некоторое время кто-то выкрикнул:

– Вроде бы стабилизировалась.

Верон огрызнулся:

– Это не масса. Что-то происходит с континуумом.

– Подбавить жару? – поступило предложение.

– Я тебе подбавлю.

Их беспокойство передается и мне. Я начинаю ерзать в своем кресле. Озар успокаивает:

– Пока нет причин беспокоиться. Вот если активизируется, тогда все...

Что «все» я так и не поняла. Через час черная точка на экране не шелохнулась. Озар забормотал стихи. Я прислушиваюсь.

Мы живем на Земле и не знаем:
Что под нами – огонь или лед?
Может быть, в самом центре иная
Жизнь в неведомых формах цветет.
Человек (это будет наверно)
С волевою морщинкой у губ
Фантастичней героев Жюль Верна
Совершит путешествие вглубь.
Не мечтая о громкой награде
И не зная запретного «нет»,
Он опустится в прочном снаряде
В преисподню неведомых недр.
И, пройдя через толщи породы,
Вдруг разумную жизнь там открыв,
Он протянет своим антиподам
Руку дружбы и ветку олив...

Но тогда я не сразу поняла, что это за стихи. Только ночью я вспомнила их и подумала, что неизвестного в мире больше, чем известного, и что пройдет миллион лет, прежде чем люди сравняются с богами.

Вечером разболелась голова, и я осталась в гостинице, хотя Озар приглашал в городской парк. И еще я побоялась быть лишней раз в компании Озара. Шутки шутками, а дело может принять серьезный оборот. А иногда мне кажется, что я сама с собой играю в прятки. Может быть, лучше сразу – с берега в воду с головой? Трудно ли переступить через свое «я»? Вот так рефлектирует молодая, симпатичная и одинокая девушка перед сном.

Да... а черная точка так и осталась торчать на одном месте, и пришлось установить круглосуточное наблюдение за ее поведением.

17.05.20...

Сегодня записывать почти нечего. Черная точка сохраняет свою статичность, несмотря на медленную прибавку мощности лазерных лучей. День тянется медленно, нудно. Я с удовольствием занялась бы чем-нибудь более интересным, но я обязана довести свою миссию до конца. Озар живет своим делом. Он похож на хищника, который выжидает свою добычу, чтобы броситься на нее. Он говорит, что эта точка – коварное и непредсказуемое порождение вакуума и в любой момент может начать «изменение». В первом случае она просто растворится без всяких последствий. Во втором случае все намного сложнее и опаснее. Она взорвется с разрушительными последствиями. Наша Вселенная именно так и произошла.

Дежурство в лаборатории показалось мне утомительным, и я позволила себе взять тайм-аут. И вот я хожу вдоль каменного склона нашей горы и ищу, где он не такой крутой. Иногда сверху падают мелкие камешки. Мне очень хочется взобраться на вершину. Прикинула высоту: метров триста. Чепуха – я поднималась и выше. С восточной стороны склон вполне приемлемый. Весь оброс кустами и деревьями, но меня это не пугает. Когда-то я облазила крымскую Яйлу, поднималась на Ай-Петри. Обстановка похожа. Ну-у, пробуем?

Конечно, в одиночку предпринимать восхождение любой сложности не рекомендуется, но кто может остановить меня? На одном могильном памятнике древнеегипетской женщины

были высечены следующие слова: «Вот я уйду в ту страну, откуда нет возврата, и нет никого, кто бы остановил меня...»

Здорово сказано! Как раз про меня. И я полезла. В платье, в туфлях. Представляете? Цепляюсь за ветки, упираюсь ногами в каменные выступы. Лезла часа два. Один каблук сломался. Порвала подол платья. Руки исцарапаны. Но какое неслыханное удовольствие! Почти счастье! Я на вершине мира – не меньше.

Отсюда невыразимо прекрасный вид. Город, словно в уютных ладонях невысоких гор, кажется игрушечным и гармоничным. Вот на каменистом плато наша станция из двух десятков строений. Еле видны вагончики фуникулера. А небо – совсем рядом. Если поднять голову и подставить разгоряченное лицо навстречу ветру, то кажется, что летишь коршуном над подлунным миром. Большого блаженства трудно вообразить.

Солнце уже касается круглых макушек гор и румянит их. Очень похоже, будто обжаривается праздничный пирог. Вся долина погружается в опаловые сумерки. Чистота красок необыкновенная. Я начинаю мерзнуть. Пора возвращаться. На душе легко-легко, точно я вернулась в детство. Космическая энергия вливается в мой организм и удешевляет силы.

Спускалась я с большими трудностями, чем при подъеме. Кое-как, пятясь и падая, хватаясь за траву и ветки кустарника, пробуя устойчивость каменных опор, я все-таки сползла с горы и перевела дух.

В гостинице на меня смотрели как на экстравагантную особу, но мне было наплевать, как я выгляжу. Я торжествовала. Я была горда своей победой. Хотя – какая это победа? Триста метров! А все равно... Озар подбегает:

– Ольга, я жду вас. Где вы были? Что за вид?

Пришлось рассказать о своем восхождении. Слушает он внимательно и серьезно. А на лице читается целая гамма чувств. Тут и восхищение мной, и укор, и радость встречи, и грусть. Но я чертовски устала. Поэтому извинилась и пошла приводить себя в порядок. Озар был опекален, но ничего не сказал. Ему очень хотелось провести этот вечер со мной. Мне – тоже. Напоследок он сообщил, что черная точка остается в том же состоянии. Интересно: надолго ли? Ладно, последнее предложение – и гашу свет. Будет ли завтрашний день повторением сегодняшнего? Спокойной ночи!

18.05.20...

Кошмарный день! Сплошные волнения! У меня дрожат пальцы, хочется порвать дневник и забросить его куда подальше. Но с утра я была благоразумной и тихой. Ничто не предвещало последующих драматических событий. Как обычно, Верон командовал. Ассистенты включали и выключали свои установки. Озар был хмур и молчалив. Уж не из-за вчерашнего ли вечера? Но я уловила в его синих глазах холод нежности и теплоту надежд. Я старалась быть с ним приветливой, но не фамильярной. Я закрылась в свою скорлупу одиночества и только наблюдала из-под нее, как другой человек накапливал в себе невысказанные заряды любви. Мне льстила эта игра с огнем. Мне нравилось дразнить Озара, раздувая в его душе пламя и тут же гася его.

Все началось в первом часу. Верон заметил изменения в поведении черной точки. Он закутился в кресле, тыкал в приборы толстыми пальцами и фыркал. Но я не заметила никаких изменений на экране. Точка по-прежнему торчала почти в центре картинки и не вызывала беспокойства. Но датчики уже уловили что-то, и люди зашевелились. По их восклицаниям я поняла, что точка начала «таять». Я спросила у Озара:

– По какому сценарию?

Он осторожно, точно жалея меня, ответил:

– Ничего не понятно.

Это значит, что точка стала испаряться рывками, неравномерно. На одном мониторе я увидела диаграмму процесса: кривая то вскакивала вверх, то падала вниз, то тянулась горизонтальной прямой.

– Она взорвется? – испуганно прошептала я.

– Пока неизвестно. Для окончательного вывода не хватает информации.

Наступило тягостное молчание. Верон прогудел:

– Попробуем снять избыток энергии. Это должно стабилизировать объект.

Я не поняла, что он имел в виду, но догадалась, что он хочет направить таяние точки в безопасное русло. Изображение на большом экране загустело, подернулось белесоватой дымкой, но точка оставалась неизменной.

– Бесполезно, – растерянно произнес один из помощников.

Верон согласился:

– Черт возьми, нам чего-то не хватает.

Вместе с напряженной тишиной в меня грубо и зримо вошло беспокойство. Не столько за себя, сколько за результаты опыта. Озар придвинулся к Верону и стал что-то доказывать вполголоса. Тот качал седой головой и не соглашался. В неверном свете мониторов и большого экрана лица ученых напоминали ритуальные маски негритянских племен. На миг почудилось, что не было долгого и мучительного прогресса, будто история застряла где-то в пещерном веке, а цивилизация – только сон, приснившийся жрецу неандертальского племени после сытного ужина. Я расслышала слова Озара:

– Не надо прерывать. Давайте понаблюдаем. А вдруг...

А Верон возразил:

– Рискованно. Внутри возникло какое-то поле... Вихри притяжения... Континуум... Стрела времени... Измерения...

О чем они спорят? К кому не подступиться? Какое поле? Обстановка между тем все накалялась. Точку на экране заволокло белым облаком, в котором вспыхивали яркие точечные искорки. И вдруг точка беззвучно вспыхнула миллионами молний. Я ослепла и с головы до ног покрылась противным липким потом.

Верон раздраженно, но настойчиво приказал всем покинуть лабораторию и пройти в убежище здесь же в горе. И добавил:

– Объявляю тревогу на станции.

Озар очутился рядом и торопливо заговорил:

– Остались считанные минуты. Мощность взрыва неопределенна. Расчеты дают противоположные результаты. Но лучше быть от греха подальше. Идите...

– А ты? – спросила я и поняла, что впервые обратилась к нему на «ты».

– Профессор оставляет только меня. Есть один шанс.

– А если – нет?

– Шанс всегда есть. Помните: вечерний город, голубые улицы, фонтан, тесные вагончики фуникулера? Как прекрасно все это! Как давно и прекрасно! Помните...

Он почти насильно извлек меня из кресла и чуть ли не силком погнал к выходу. Я хотела крикнуть о чем-то, но язык прилип к гортани, и я издала только хрипящие звуки. Вот когда мне стало страшно по-настоящему.

Не помню, как я вышла и что я думала при этом. Скорее всего – ничего. Я, как сомнамбула, сидела вместе со всеми в каком-то убежище с каменными стенами. По радио то и дело передавали какие-то сообщения. Люди тихо переговаривались и поглядывали на перекрытие. То же, наверное, чувствовали наши предки в холодных пещерах при неверном свете подвижного костра, когда на воле бушевала гроза и крупницы дождевых брызг залетали в пещеру и, шипя, таяли в огненных языках.

Потом последовал отбой. Потом меня разыскал Озар, и облегченно заявил: – Невероятно, но факт. Взрыв произошел как бы в другом измерении и никак не повлиял на наш мир. Но там что-то произошло с убыванием вакуума. Он куда-то исчезает.

19.05.20...

Это ужасный... ужасный... ужасный день! Лучше бы мне совсем не приезжать сюда и не быть свидетелем неожиданных и страшных событий. Ах, зачем я всегда ищу приключений! Есть же люди, довольствующиеся простыми человеческими заботами. Почему я не как все?

Но теперь я уже не могу вернуться просто так. Да, у меня накопилось много материала для отчета. Но Озар... Дело все-таки в нем. Из-за его исчезновения я не могу оставить станцию.

Нет, сегодня я не могу больше писать. Настроение угнетенное, отвратительное, Я ненавижу сама себя!

20.05.20...

Я разбита... угнетена... (зачеркнуто). Я не знаю, как описать то, что случилось вчера. Рука не подчиняется уму (зачеркнуто). Сейчас я уже пришла в себя и решила описать этот злосчастный день. Дневник тоже документ. Ну, ладно...

С утра лил дождь. Где-то далеко гремел гром, но молний не было видно. Похолодало. Говорят, дуб распускается. По-моему, погода и события тесно связаны между собой.

Убывание вакуума – это по-настоящему здорово! Это открытие мирового... исторического значения! Но почему на душе так скверно и пусто? Впрочем, я путаю сегодняшнее мое состояние с тем, которое было вчера утром.

Утром я встретила в кафе самого Верона. Он подсел ко мне с бутылкой кефира. Словно бог сошел с Олимпа. Поговорили ни о чем. Сказал, что вторые сутки в лаборатории дежурят сотрудники.

– Озар – неплохой парень. Вы не ошиблись, – и пошел.

Кажется, я покраснела и поспешила на воздух, забыв расплатиться. Вот и рассеянность появилась – не к добру. Озар встретил меня у входа в «гору». Внимательно пригляделся, хотел что-то сказать и не осмелился. Какой он милый сегодня. Сильный, добрый и милый. Сердце кольнула нежность, и с губ чуть не сорвались горячие слова. Но проклятая натура сразу шлепнула меня по лицу, чтобы не зарывалась в своих симпатиях.

Я еще не успела сесть за спиной Озара, как Верон стал объяснять нам:

– Вот данные анализов. Косвенных, конечно. В реакторе больше ничего нет. Сигналы о процессах внутри его поступают. Мы обрабатываем их. Нет сомнения, что мы имеем дело с неизвестным феноменом. Поэтому нашему миру ничего не грозит. Мы стараемся стабилизировать движение вакуума, ибо не знаем последствий этого движения. Для нас важно не допустить экстремальных значений. И другой факт, который невозможно было предсказать. В реакторе время изменило свое направление и появилось некое поле. Пока мы не знаем его свойств. Проявляйте терпение и наблюдайте. Не упускайте ни единого изменения... Готовьтесь к длительной осаде крепости.

Потекли ленивые часы наблюдений. Я уже хотела покинуть лабораторию, как вдруг Озар, поняв мое намерение, взял меня за руку и слегка пожал. Шепнул что-то, и я осталась. Верон удивленно захмыкал.

– Что там происходит? – спросила я Озара.

– Отделение света от тьмы, – улыбнулся он.

Озар что-то сказал Верону. Тот вспыхнул:

– Я вижу, черт возьми! Мы же не боги.

Я спросила у одного из сотрудников:

– Это очень опасно?

– Еще бы, – фыркнул он. – Взлетит на воздух не только лаборатория, но и город, а может быть, и весь земной шар.

На экране белое облачко подобралось почти под верхний край рамки. И вдруг изображение процесса на большом экране исчезло. Кто-то охнул. Верон стукнул кулаком по пульту. Прогремел его повелительный приказ:

– Какого черта? Что там с видеокамерами?

И стал нажимать какие-то кнопки на пульте. Замигали красные лампы на стенах, взвыла сирена. Я присохла к месту, не имея сил подняться.

Кто-то доложил:

– Отключились все датчики. Энергия вырубилась.

Озар обратился к Верону:

– Надо посмотреть. Я спущусь в отсек и сообщу вам обо всем, что увижу.

– Давай, – нехотя согласился Верон.

Озар положил руку на мое плечо. Торопливо выговорил:

– Я знаю, как это сделать. Я быстро... Ольга, я давно хотел сказать тебе, что люблю тебя.

Ну, вот и сказал.

И убежал. И мне стало стыдно за все, что могло быть и не случилось. Но все впереди. Тогда я и подумать не могла о том, что произойдет. А тут я хотела побежать за ним, но осталась стоять, как вкопанная. Страшное оцепенение охватило меня. Я вцепилась в спинку озаровского кресла, чтобы не упасть. Оглушительно стучало сердце. Почему-то дрожит пол. Или это меня трясет нервная лихорадка?

На другом экране мы наблюдали, как Озар прошел по коридору, вошел в первый отсек, во второй и... исчез.

– Верон вскочил на ноги. Прорычал:

– Что там с системой наблюдений?

– Отключилась, – ответили ему. – Все вышло из строя.

Верон упал в свое кресло и задумался, щелкая клавишами компьютера. Долго смотрел на погасшие экраны. Что-то соображал молча, закрыв глаза. Потом как бы очнулся и увидел меня.

– Все, – сказал он грустно. – Он исчез. А мир цел.

– Кто исчез? – почти грубо спросила я.

– Озар. Это было четвертое измерение – вот что, – продолжал Верон, не глядя на меня. – Мы выбили воронку в вакууме. И в нее стало перетекать пространство и время из нашего мира в тот, параллельный. И захватили с собой все наши установки. Их исчезновение в этом измерении абсолютно непредсказуемо. Это, конечно, мировое открытие, но... Я думаю – он сейчас там.

– Где? – одними губами спросила я.

– В другой вселенной. В другом континууме. В другом измерении.

Я потеряла сознание.

22.05.20...

Очнулась я в больнице. Мне запретили разговаривать. И даже вспоминать тот день. Смешно! Разве можно усилием воли выключить память? Озар оказался втянутым этим самым четвертым измерением или чем там еще. Мне было одиноко и тяжело, как никогда. Я корила себя на чем свет за свою зашоренность, за то, что не открылась навстречу его любви. Но прошлое не возвращается в нашем мире.

А ночью бессонница извлекла из памяти его образ. И я снова гляжу в его синие-синие глаза и обращаюсь к нему с самыми важными словами о любви, которой суждено теперь медленно уходить из моей жизни. Но что заполнит оставшуюся пустоту? И я беззвучно повторяю полные драматического смысла его стихи:

«...И любить, и искать новое, и метаться между улыбкой и звездами...»

Эпилог

Большая пещера. В центре ее горит костер в чаше из каменного вала. За пещерой – ночь и гроза. Гром врывается в пещеру и долго мечется в каменных стенах, обессиливая. Сильный ветер иногда забрасывает в пещеру дождевые струи.

У костра на каменистом возвышении, покрытом шкурами животных, сидит почтенный старец. Все его лицо обросло густыми седыми космами. Видны только поблеклые синие глаза, полные нечеловеческой тоски. Он одет тоже в шкуру.

Вокруг него сидят странные существа, чем-то похожие на людей. Но у них по четыре ноги и две руки. Сейчас ноги подвернуты под мохнатые крупы, которые впереди выпрямляются в грудную клетку. Завершают вид сплюснутые головы, не похожие на человеческие. Описать их лица – задача невыполнимая. Надо видеть их. У них есть большие и внимательные глаза, светящиеся дремучим разумом.

Они слушают старца. Некоторые качают на руках детенышей или кормят их грудью. Некоторые держат в руках деревянные топоры с каменными лезвиями. Старец время от времени поднимает жилистую руку кверху и, словно в экстазе, повторяет увлеченно в который раз:

– Я говорю вам. Вы еще дикие и темные. Молнии еще не озарили ваш разум. Пройдет много-много лет, прежде чем проснется ваше сознание, и вы начнете понимать мир. Я говорю вам. Есть другой мир. Там на небе. Он такой же прекрасный и светлый, как этот. И там есть звезды. И там есть жизнь. И там живут люди, подобные вам, но ушедшие в своем развитии на многие тысячи лет вперед. Я говорю вам. Я пришел из того мира к вам, чтобы дать вам знания, учить добру и миру. Я говорю вам. Настанет день, тогда я вернусь обратно. Обещайте жить по моим заветам, и вы приобретете смысл существования и радость. Я говорю вам. Это наступит не раньше, чем вы научитесь сами добывать огонь, варить пищу, разводить скот и выращивать злаки, которые вы называете «желтым семенем». Я говорю вам. Живите в мире и любви друг к другу, и не делайте никому зла. И вы станете великими и могущественными под вашим небом. Я говорю вам. Блаженны верующие в меня, ибо они обретут вечное блаженство и бессмертие. Я говорю вам...

Но возраст одолевает старца. Он закрывает глаза и засыпает. Во сне он что-то бормочет. Наиболее догадливые аборигены слушают это бормотание и выдают своим соплеменникам за откровение «пришедшего со звезд».

А старцу снится голубой город и девушка, самая прекрасная на свете. И он зовет ее по имени, и хочет рассказать ей обо всем, что он не успел сделать в иной жизни. Где это было? Когда? И было ли на самом деле?

Конкурс желудков

1

Граждане судьи, выслушайте меня. Всё расскажу: с чего всё началось и как оно всё было. Ничего не утаю. Вникните в события, и вы поймёте, кто настоящий виновник. Ежели вы согласны, то я начну с того самого утра, когда...

2

Жена, в конце концов, меня достала. Выложила всё, что накопело на душе:

– Третий месяц на моей шее сидишь. Ни рубля от тебя. Какой ты мужик после этого! Иди хоть сторожем, горе моё...

А мне и без неё тошно. Ещё бы! Мужик в расцвете лет, бывший ударник коммунистического труда. Грамот – целый чемодан. Слесарь, каких на всю область раз-два и обчёлся. Но завод стал, и я в числе многих оказался в неоплачиваемом отпуске на неопределённый срок. А проще – безработным. Только и разница, что трудовая книжка осталась в отделе кадров. Вот так-то! Раньше с доски почёта не слезал, а теперь лишним стал. Обидно до чёртиков.

Ну вот. Не стал я завтракать. Дверью погромче хлопнул, чтоб жене досадить, и подался на улицу. А на улице жизнь бьёт ключом. Народу столько, будто все жители стали безработными. Даже на душе полегчало – не я один такой невезучий. Машины носятся. Магазины всякие. Рекламы. Только мне всё это до фени. Мне работа нужна, а не реклама. Я и без неё знаю, как и чем зубы чистить. Почему-то нет рекламы, где деньги зарабатывать.

Вы думаете, я не искал, где мне свои таланты приложить? Ещё как искал. Все три месяца. Все городские предприятия обегал. Везде одно и то же. Или возраст – свыше сорока. Или иностранным языком не владею. Либо просто рылом не вышел. Нужны сварщики или там менеджеры. Приглашали, правда, в ассенизаторскую бригаду – нечистоты вывозить. Ну, так у меня своя рабочая гордость ещё есть.

Значит, иду я по улице и жалею, что от завтрака отказался. В животе довольно явственное напоминание. И тут меня словно в лоб ударило. Вижу на двух стойках большую афишу. А на ней нарисована красномордая личность, пожирающая блины. Жрёт и ухмыляется, глядя на нас. А ещё на афише большими буквами написан текст:

«Конкурс желудков»! В кафе «Аппетит»! Только один день! Кто за десять минут съест больше блинов. Приз – тысяча долларов. Плата за участие пятьсот рублей. Спешите принять участие. Только один день – 1 июня. Начало в 9 часов утра».

Прочитал я и усмехнулся. Глупость какая-то! Где это видано, чтобы за поедание блинов ещё и доллары платили. Враньё всё это! Но с другой стороны, что значит «больше»? Вот на прошлую масленицу я у тёщи в гостях два десятка блинов умял. Правда, были они не толще газетного листа, но зато со сметаной. А сметана, как смазка, с ней сколько угодно одолеешь.

Задумался я. Или попробовать что ли? Всё равно делать нечего. А вдруг... Тысяча баксов – это не шутки. Как бы они сейчас пригодились! Жена прекратила бы своё пиление.

Кто-то рядом со мной кашлянул. Оглянулся. Тип кавказской национальности с горбатым носом и чёрными глазами навывкате. И он обращается ко мне, кивая на афишу:

– Что, дорогой, хочешь завтра участвовать?

– А вам-то что за дело? – неласково отвечаю ему.

– Вай-вай, конечно, хочешь – на лице написано. Слушай: могу помочь.

– Это как? – заинтересовался я.

– Гарантирую победу. И тысяча зелёных твои.

Ну, я в бизнесе тоже кое-что кумеаю. Я же сообразил, что кафе «Аппетит» выручит за свой конкурс куда больше, чем сумма приза. Поэтому спрашиваю:

– А вам за это что? Какой навар?

– Ничего! Это эксперимент. Ради науки. Понимаешь?

После таких слов хотел я отвернуться от него, но он схватил меня за рукав и почти в самое ухо зашипел, брызгая слюной:

– Слушай, дорогой. Я учёный, профессор гастроэнтерологии. Я открыл способ увеличения аппетита в десятки, сотни раз. Один укольчик, и ты – чемпион.

– У меня, – говорю, – и без укольчика свой аппетит, слава Богу, не жалуясь.

– Вай-вай, – скривился он. – Погляди на себя – сытый, гладкий. Больше двух десятков блинов тебе не одолеть. А сколько кругом по-настоящему голодных? Нищих, бомжей, пенсионеров, беженцев, гостарбайтеров! Да они тебя в два счёта переедят. Аппетит у него! Нашёл чем хвастаться. Или тебе деньги не нужны? Так и скажи. Также мне – миллионер безработный! Я и другому могу предложить свои услуги. Ради науки.

Я ещё продолжал сомневаться и почему-то перешёл, как и он, на «ты».

– А почему я тебе верить должен? Я похож на лоха?

– Пойдём со мной – сам увидишь.

Чёрт меня дёрнул согласиться. Не пошёл бы – ничего и не случилось бы. А, думаю, нищему пожар не страшен, а железу – тупое зубило. Хоть наемся вволю на халяву. Пошёл я. К моему удивлению, это оказалась аптека. Зашли мы с заднего входа и попали в комнату, где лекарства разбирают привезённые. Вспылил я:

– А ты говорил, что ты профессор!

– Неважно, – отмахнулся он. – Давай знакомиться.

И называет свою фамилию – не то Кукинян, не то Хугинян. Я не уловил. Пришлось себя назвать, не выдумывая. Посадил этот «ян» меня в продавленное кресло, погипнотизировал взглядом и заговорил:

– Ты человек просвещенный (ещё бы: когда-то я ПТУ окончил), и должен я тебе всё разъяснить, чтоб потом претензий не было. А дело в том, дорогой, что кровь голодных людей вырабатывает сложное белковое вещество – пептид. Нам удалось выделить его. Стоит человеку принять определённую дозу этого пептида, как аппетит чудовищно возрастает. Чем больше доза – тем дольше его действие. Просто, как дважды два. Жизни твоей ничего не грозит, но какие-то последствия будут. Мы ещё не знаем – какие, потому как эксперимент, а ты – доброволец. За тысячу баксов. Ну... по рукам?

– Чёрт с тобой, – согласился. – Мой желудок – что рашпиль, всё перетрёт.

Тут он подsunул мне договор и авторучку. Вздохнул я и подписал. Дескать, никаких претензий к фирме «Забота» иметь не буду. (Этот «ян», оказывается, в такой фирме работает.) Подписал, почти не читая. Ну и сваял же я дурака тогда! Но если бы всё заранее знать...

Всадил он мне шприц в задницу, влил какой-то гадости, отчего весь нижний бюст зачесался, смазал место укола проспиртованной ватой и сказал:

– Завтра, дорогой, встанешь и себя не узнаешь. Совсем новый человек будешь. Иди смело на подвиг. Я наблюдать буду.

Мы хлопнулись ладонями по-кавказски и расстались. День прошёл без особых событий. Вечером жена опять читала нотации, но ужином накормила. Ничего я ей про конкурс и про договор с «яном» не сказал. Зачем? Может, это всё туфта? Прислушался к желудку – никаких признаков. Обманул меня аптекарь, а зачем? Ну да ладно, чёрт с ним! Подумаешь – Хугинян липовый! Я сам профессор по металлу. Спать всё равно я спал крепко.

3

А утром проснулся я чуть свет от чувства сильного голода. Аж спазмы появились, как у язвенника. Ага, думаю, подействовал укол! Поворочался-поворочался, плюнул на обстоятельства и пошёл на кухню к холодильнику. Слопал полкастрюли рисовой каши – вроде полегчало. За завтраком жена опять за своё:

– Как зарабатывать – так нет тебя, а как за стол...

Тьфу ты, леший её забори! Не выдержал я её правды и ушёл не емши. Купил в хлебном батон и тут же за углом магазина слопал его весь. Помогло, но не надолго. Через полчаса в животе разыгралась целая битва. Ну, думаю, сейчас самый раз и на конкурс идти. Есть подточка.

Пошёл. Завернул в переулок, где это самое кафе «Аппетит» находится, а тут вокруг него флаги, афиши и транспарант над мостовой: «Все на конкурс желудков!» И такая очередь, что я растерялся. Таких очередей я даже в водочный магазин при перестройке не видел. Пристроился в конце и стал оглядываться. Впереди меня оказалась согбенная старушка – божий одуванчик. Лето, а она в валенках. Дрожит, как в ознобе – от голода что ли? За мной пристроился красноносый хлюпик, прозрачный, как стекло, небритый и жалкий. Бомж, наверное. Гляжу, а тут вся очередь из таких типов. Я здесь будто случайный элемент. И все больше пожилые и потрёпанные жизнью. Прав был этот «ян». И тихо так. Не очередь, а панихида.

Стоим и маемся. Сколько так простояли? Часов ни у кого нет – спросить не у кого. Когда только у нас всё будет начинаться вовремя? Но вот все зашевелились и заговорили. Кафе открылось. Это кафе у нас прозвали «Аквариум», потому как все стены у него стеклянные. Летом от жары внутри его – душегубка, а зимой – настоящий холодильник. Вот бы сюда поселить архитектора подобных «аквариумов»!

Над головой вдруг заголосил радиодинамик, подвешенный к столбу. Кто-то прокашлялся и грубым басом объявил: «Граждане-участники, не ломитесь вперёд – соблюдайте очередь. До трёх часов всех пропустим. Каждый тур – не более двадцати минут. Всего у нас десять мест. Есть компетентное жюри. Всё по правилам. Платить при входе – по пятьсот «деревянных». Почти бесплатно. Да, ещё – принимать блины можно любым способом: жевать, глотать, хоть руками, хоть ногами. Шутка! Результаты сообщаем сразу. Награждение – по окончании соревнования. Ну, вот и всё. Погнали...»

Стеклянные двери открылись, и первая партия страждущих вошла внутрь. Радиодинамик заработал, но с перебоями: «...энергично приступают к трапезе... Кто же успеет больше? Ага, вот один... Иван Полосухин... слабо охает и падает на пол... Впереди Фёдор Жучкин... на второй десятке... Всё из него назад... Кто бы мог подумать?... Двадцать второй блин! Уважаемая Мария Евлампиевна, как это вам удаётся – поделитесь... Хоть раз душу отвести? Поздравляем... в первом туре...»

И пошло, и пошло. Из дверей кафе вываливались участники блинного марафона с перекошенными физиономиями и ошалелыми глазами. Кого-то выводили под руки. Подъехала «скорая».

Я хотел есть до тошноты. В животе – настоящая революция почище октябрьской. Через два часа я понял, что съем сто блинов вместе с поваром. Долгое стояние в очереди настроили меня на альтруистический лад. Мне стало жаль всех этих людей, пришедших сюда не столько ради выигрыша. Сколько ради сытой и дешёвой еды. Никогда не думал, что в городе столько нуждающихся! Мне даже показалось, что это кафе само, как хищник, глотает людскую массу и лениво пережёвывает её под бодряческие объявления радиокomentатора.

Не помню, как я дождался своей очереди. Уселся за П-образный стол где-то с краю. Разнесли нам горки блинов на тарелках. Непередаваемый запах поджаренного теста опьянил сразу

так, что слюни потекли обильнее, чем у павловской собаки. И никакой сметаны. Ешь всухомятку. Но всё равно – прекрасно! Я набросился на блины, как тигр на добычу. И моментально опустошил тарелку. Мне подсунули вторую. И её одолел моментально. Потом ещё и ещё. По радио услышал свою фамилию – Кирилл Авоськин. Вспыхнули вспышки фото- и видеокамер. Но мне было не до этого. Я бросал в рот блин за блином, предварительно свёртывая их в трубочку. Так кочегар бросает уголь в топку котла.

Очнулся я от встряхивания. Кто-то дёргал меня за плечо. Три дюжих молодца в кожаных куртках и в нарукавных белых повязках – охрана.

– Ну, ты даёшь! – восхищенно выкрикнул один из них с золотым зубом. – Кончай, а то копыта отбросишь. Это сверх рекорда! В Книгу Гиннеса! Шестьдесят восемь блинов!

Я чуть со стула не свалился от этой цифры. Не может быть! Откуда-то налетели фотографы, люди с телекамерами, цветами. Начали тискать, хлопать по плечу, отрывать пуговицы, целовать куда попало. Потом объявили меня досрочным и абсолютным чемпионом и всучили пакет с призом. Живот благодарно молчал, переваривая рекорд.

Остаток дня я болтался по городу, изучая свои ощущения. Странно – часа не прошло, как я снова хотел есть. Всё сильнее и сильнее. Какое-то наваждение, болезнь, чертовщина. Так не может быть. Конечно, можно было разменять «зелёные» и предаться чревоугодию. Но валюту я берёг для жены. Вы понимаете – почему. Терпел. Кстати, в туалет трижды заглядывал. Из меня, как лава из вулкана. Но домой идти боялся. Почему? Чего? Из-за ненормального моего нынешнего состояния? Как я с таким аппетитом заявлюсь? Что скажу? Как объясню? Поймёт ли она меня? И вообще – надолго ли у меня этот недуг? И дёрнуло меня согласиться на идиотский укол! Как я ругал себя тогда!

Я занервничал, задёргался. Нужно было срочно разрядиться. И решил: пойду-ка в аптеку к «яну» и потребую вернуть прежнее состояние, поскольку не знал: надолго ли оно такое протянется. Даже если на это придётся премию отдать.

Прихожу. Накрашенная девица в белом халате заявляет, что Хугинян, или как там его, вчера вечером уехал в Израиль.

– Куда? – закричал я. – Что армянину делать в Израиле? А как же я теперь?

– А вы договор подписали, что претензий не имеете. Юридический документ. Вас предупреждали. Так что – ничего не знаю.

– А может это ваш «ян» в сговоре с организаторами конкурса?

А она молча пытается оттеснить меня к выходу. Вот тут-то меня и разобрало по-настоящему.

– Ах, мать вашу!.. Как людей травить – вы знаете, а как отвечать за это – так в Израиль! Счас я без всякого суда вашу лавочку раскидаю!

Девица от испуга стала бледнее халата и убежала с криком: «Милиция! Милиция!»

А я начал крушить всё подряд. Какие-то стеклянные этажерочки, полочки, баночки-скляночки. Звон разбиваемой посуды. Вонь от пролитых химикатов. Дым столбом. Я же сделался как сумасшедший. Ничего не соображаю в гневе. В раж вошёл. Понимаю только, что надо отомстить за своё несчастье.

В самый разгар моих необузданных, но извинительных поступков ворвались милиционеры, заломили руки и потащили на улицу. Впихнули в машину и вот...

Ночь провёл в изоляторе при милиции, насчёт живота я уж и не говорю. Муки адавы! Ну, дали мне кусок хлеба и какой-то бурды... Это даже и не червячка заморить, а так – пылинка. Не спал. Нары жёсткие. Утром жена прибежала. Вся в слезах.

– Тебя по телевизору областному показывали. Как же ты это? Я всю ночь тебя искала. И в больнице, и в морге. Прости меня – не жалела тебя, ругала. Дура я, дура!

Хотел я ей доллары отдать, полез в карман – тью-тью, нету их. Наверняка при обыске в отделении взяли в долг без отдачи. Ну, паразиты!.. Объяснять стал жене, а она руками машет:

– Ничего мне не нужно. Только сам скорее возвращайся. Ждать тебя буду, – и опять в слёзы.

– Не реви, – говорю. – Не имею на тебя обиды. Не ты виновата, а время такое дурацкое, да ещё этот армянин, чтоб ему самому такой укол просверлили. А также конкурс свихнутый, над людьми издевательский.

И в тот же день меня в суд за причинённый ущерб.

– Вот, граждане судьи, спрашивается: кто виноват? Кого судить надо? Меня или тех, кто дурацкие конкурсы устраивает? А как мне теперь жить с моим желудком? Это какие же миллионы нужно иметь, чтобы мою утробу прокормить? Где мне заработать эти миллионы? А кто мне мой выигрыш вернёт? Подскажите, судьи дорогие. Помогите!

После этих слов суд удалился на совещание и надолго засел там. В ожидании приговора я с вождением поглядывал на пухленькую секретаршу суда. Уж очень аппетитная, чертовка!

Экскурсбюро «Экстрим» Экзистенциальная повесть

1

Терпеть не могу чёрных кошек. Не потому, что я суеверный, а просто по факту. Стоит этой твари перебежать мне дорогу – обязательно со мной приключится какая-нибудь гадость. Так и сегодня. Только вышел из дома, как вдруг чёрная кошка (а может и не кошка – хрен их разберёт) как шуганёт из-под ног. Хотел я ей туфлём поддать под хвост, но не успел. Удрала, зараза.

Настроение сразу упало. Ну, думаю, добром этот день не кончится. И как в воду глядел! Но об этом потом...

Иду себе по улице. Солнце обливает августовским жарком людские физиономии. Прохожие бегут туда и сюда, будто куда опаздывают. Машины мчатся, как угорелые. Столько их развелось – даже пробки на улицах образуются, несмотря на то, что наш город – глубинная провинция, забытая богом и властями.

А чего тут удивляться? Настроение и до кошки было неважным, а после неё и подавно стало хреновым. Вообще-то у меня отпуск. Чо хочу, то и делаю. Хочу – весь день на диване валяюсь, как летний валенок. Но это скука... Это не по мне. Мне что-нибудь этакое, чтоб адреналин закипел. А на улице – всё может случиться. Машина с копыт соьёт. Хулиганы пристанут. Споткнусь и ногу вывихну. Кирпич с крыши свалится на голову! Столько возможностей для развлечения! А всё потому, что я любитель сильных ощущений! Хотел в этот отпуск с приятелем по горам полазить. А он, как на грех, заболел. Вот и ошиваюсь, как неприкаянный, один по улицам и ищу на свою задницу приключений!

Вот над входом в двухэтажный дом вывеска: «Экскурсбюро «Экстрим». Читаю раз-другой, слева направо, потом справа налево. И никак не врубаюсь в смысл вывески. Насколько я помню, раньше здесь адвокатская контора была. Разогнали их что ли? Или рейдеры захватили? Сейчас это модно. Ну «Экскурсбюро» – это понятно. Прогулки там всякие, поездки по интересным местам в городе и его окрестностях. А где у нас эти интересности? Сразу за городом – глиняный карьер. С другой стороны – мусорная свалка. Там обанкротившийся завод железобетонных изделий. Ерунда какая-то с этими экскурсиями. А вот что означает «Экстрим»? Сплав на байдарке по нашей речушке с тухлым запахом из-за дырявых очистных сооружений? Прыжки с парашютом с крыши трёхэтажного дома городской администрации? Тоже мне – экстрим. Вообще-то, как я уже сказал, я человек рисковый. Если то, что на вывеске написано, не туфта, не замануха, а серьёзно, то стоит заглянуть. Чем чёрт не шутит. Может чо стоящее?

2

Перехожу улицу под самым носом КАМАЗа. Водитель высунулся из кабинки и обматерил меня:

– Ты, самоубийца грёбанный, из-за таких придурков мы в тюрьму попадаем. Сидел бы дома, раздолбай хренов!

Что он там дальше орал, я не усёк, так как уже подошёл к входу этого самого «бюро». Несколько мужиков пытаются открыть входную дверь. Дёргают поочередно за огромную медную ручку, а дверь словно заклинило – ни туда, ни сюда. Один мужик плюнул и с выкриком «а ну её на хрен!» отошел. Я тоже хватаюсь за ручку – и дверь очень даже легко открыва-

ется наружу. Странно! Мужики смотрят на меня с уважением. Входим в тесную прихожую. Нас встречают два охранника, огромные, как бульдозеры!

– Не спешите в ад! Выкладывайте оружие, наркотики, взрывчатку...

Один из вошедших ему вежливо возражает:

– Мы тебе чо, террористы?

А ему в ответ:

– Будешь гавкать – вытолкну назад!

И норовит нас по карманам обшманать. Второй мужик не выдерживает и со словами «да пошёл ты...» выгребает на улицу. Мне становится интересно, и я безропотно подставляю свои карманы. Естественно, в них ничего подозрительного не находится. Я не упираюсь. На фиг мне глупые стрессы. Если бы эти бульдозеры напали на меня, это было бы интересно. Впрочем, обошлось всё по-мирному.

Осталось нас трое любителей острых ощущений. Вытолкали нас из прихожей, и мы попали в преисподнюю. То есть в совершенно неосвещенное помещение типа коридора. Я понимаю, что это ещё одно испытание наших нервных систем. Забавно. Ловят, как лохов. Расставляю руки вперёд и стучаюсь лбом об какую-то деревяшку. Мужик рядом со мной упал и ругается нецензурно. Другой мужик нащупал выходную дверь и смотался, крикнув: «Придумали, гады!»

И тут свет зажигается, и мы оказываемся в узком коридоре без окон, в который выходят несколько дверей. Так, обо что это я звезданулся? Смотрел, смотрел и ничего не увидел. Голые стены да двери. Одна из них открывается, выходит объемистая тётя и приглашает войти. Мы входим. Не выходить же, как этот слабонервный.

Обыкновенная комната с одним окном. В одной стороне – два письменных стола. В другой – тоже за столом – эта самая тётя. Смотрит на открытый ноутбук. И говорит нам:

– Что стоите? Садитесь. Вот вам анкеты – заполняйте.

И суёт нам листы бумаги. Действительно – анкета. Вопросы и свободные места для ответов. Мой коллега удивляется:

– А за каким, извините, лешим мы должны отчитываться? Мы не на работу поступаем.

– А не устраивает, – отвечает, – скатертью дорога. Слабакам здесь не место. Берите ручки и заполняйте. Только откровенно, чтобы вас не забраковали.

Беру я эту анкету – ничего особенного. Фамилия, имя, отчество. Пишу: Борзов Виктор Степанович. Что там ещё? 24 года. Среднетехническое. Холост. Охранник в сбербанке. Служил ли в армии? А это зачем им знать? Ну, служил, на Камчатке. Гарнизон наш там был. Вот где экстрим! Какие у меня сейчас увлечения? В отпуске дома не сидеть. И куда подальше. Вот такая анкета. Отдаю её объемистой тёте. Та кивает головой и велит пройти в кабинет директора через коридор напротив.

Покидаю эту приёмную с облегчением, будто с плеч мешок с цементом свалился. Вхожу к директору. Кабинетик – так себе. Стол, шкаф да стул перед столом. А за ним сидит бородастый интеллигент в очках. Смотрит в компьютер и кивает прилизанной причёской. Своей бородкой здорово похож на Михаила Ивановича Калинина.

– Прочитал вашу анкету, – говорит. – Она нас устраивает.

А сам внимательно смотрит на меня, будто взятку ждёт.

– Я вас поздравляю. Предварительные тесты на «пять». Анкета на «пять». Идеальный клиент. Зовите меня Артур Иванович. Но прежде чем вы вопросы зададите, я вам задам свои.

И пошёл сыпать, да не просто вопросы, а чёрт знает что. Например: дрался ли я в детстве? Не издевался ли над животными? Не строил ли пакости учителям? Не пытался ли уклониться от призыва в армию? Не лунатик ли я? А как насчёт сексуальной ориентации? При испуге не порчу ли штаны? Что я буду делать, если провалюсь в канализационный колодец? Не матерюсь ли при женщинах? Смогу ли набить морду обидчику?

Бредовые какие-то вопросы. Морду я, конечно, могу набить. А насчёт испуга – это не моё. В общем, отвечаю кратко: да, нет, никогда, ни то и ни другое. Аж вспотел от такой беседы. Потом он разрешил задавать вопросы ему. Я тут же спрашиваю:

– Экскурсия – это надолго и куда именно? Вроде бы на сто вёрст от города ничего такого интересного или незнакомого.

– От суток до трёх, а куда – зависит от вашего сознания и подсознания. Как они дружат. Для вас это будет полный сюрприз!

– Не понял, – говорю. – Как это?

– А так, – отвечает Артур. – Вы знаете, что такое экзистенция?

– А хрен её знает, – отвечаю. – Я знаю, что такое эссенция, экзекуция, эксплуатация, эксгумация, эрекция, эякуляция и даже – эпиляция!

– Каков эрудит! – говорит он. – В философии вы, конечно, профан. И про учение экзистенциализма ничего не знаете!

– Ну, – выжидательно мычу я.

– Экзистенция – значит существование от рождения до смерти. Это некая субстанция, влияющая на всю жизнь человека. Это астральная сущность человека. Если вы её ощущаете, вы проживёте удачно. Нет – загнётесь раньше времени. А в её ощущении участвуют как сознание, так и подсознание... Теперь дошло?

Ну, не признаваться же, что я «чайник» по этим вопросам. И говорю:

– Так складно всё изобразили, что любой дурак поймёт. А в чём экстрим-то? – спрашиваю. – Тронусь умом, ослепну, сломаю ногу? Подерусь с пришельцами?

– Всё зависит от выхода вашей экзистенции в форме астрального тела в другое измерение. Подписывайте договор, платите полностью и – с богом...

И подсовывает мне бланк. А в нём такой текст – цитирую, как запомнил: Я (имя рек), находясь в здравом уме и чёткой памяти, согласен на услуги, оказанные экскурсбюро «Экстрим», за что согласен заплатить по тысяче рублей за сутки... За возможные последствия фирма ответственности не несёт...

Подписал договор и думаю: не сваял ли я дурака, согласившись неведомо на что?.. Так и неясно, что это за экскурсия, где будет проходить и всё такое... Тем не менее нужную сумму выложил. Артур жмет мне руку и велит подождать группу в соседней комнате. И протягивает мне крестик на цепочке.

Удивляюсь и даже протестую:

– Он мне как козе бюстгальтер. Я атеист.

А он терпеливо разъясняет:

– Как станет невтерпеж от экстрима, выброси этот крестик и всё вернётся к началу событий. Это твой талисман. Но с шеи не снимай ни при каких условиях. Иначе так и останешься в том месте навсегда. Тебе это надо? А теперь пройди в комнату в конце коридора и отдохни там. Не больше полчаса. На подходе человек десять желающих. Завидую вам: вы увидите то, что я никогда не увижу. Всех благ.

3

Выхожу в коридор, прохожу вглубь и нахожу ещё одну дверь. Вхожу. Сразу видно, что это комната отдыха. Несколько кресел вдоль стены с высокими спинками и подголовниками. Напротив, на стене, вывешены всякие картины. Странно то, что нет окон. Горят две люстры под потолком. В одном кресле дремлет парень и кивает большим носом. Сажусь в крайнее кресло, ближе к двери. Странное кресло. Внутри спинки что-то журчит. Что-то там действует. Ладно, хрен с ним. Изучаю картины. Странные какие-то. На одной нарисована машина на дороге, ударившаяся в дерево. На другой – дом покосившийся, как эта самая башня в Италии. Глупые

картины. На крестик свой полюбовался. Серебряный. Талисман... Внизу у него закорючка, как у ключа. Ладно, пусть под рубашкой висит. Не тянет. И вдруг свет погас. Посидел, посидел с открытыми глазами – стало скучно. Прикрыл глаза на секунду. Хотел даже вздремнуть, но свет внезапно вспыхнул, и я распахнул зенки. Что это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.